

АНДРЕЙ СТОЕВ

ЗА ПОСЛЕДНИМ
ПОРОГОМ

ХОЛМЫ РИМА

Литрес

Андрей Стоев
За последним
порогом. Холмы Рима
Серия «За последним порогом», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70198930

Аннотация

Скажи мне, сколько у тебя врагов, и я скажу, чего ты стоишь. Кеннер Арди, несмотря на свою молодость, стоит немало, и врагов у него хватает. Главное – это понять, кто твой враг, а кто твой друг, а там можно и побороться.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4	56
Глава 5	70
Глава 6	87
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Андрей Стоев

За последним порогом. Холмы Рима

Пролог

Епископ Луиджи Скампа, четвёртый секретарь папы римского, заглянул в дверь кабинета.

– Луиджи, мальчик мой, не стой в дверях, – добродушно сказал папа.

Папа Варфоломей VI никогда не повышал голос на подчинённых и всегда разговаривал ласково. Впрочем, среди «его мальчиков» дураки встречались крайне редко и быстро исчезали, так что образ доброго дедушки никого не обманывал. Епископ Скампа дураком определённо не был, а его скромно звучащая должность для знающих людей означала, что он является личным советником папы по разным деликатным вопросам.

– Так что там с бенефициями¹, Луиджи? – спросил папа, поощрительно улыбаясь. – Чем ты обрадуешь старика?

– Прошу меня простить, ваше святейшество, – ответил

¹ Бенефиция – доходная должность или земельное владение, вручаемое представителю духовенства или мирянину в награду за оказанную церкви службу.

епископ с лёгким поклоном, – но поводов для радости не так много. Мы практически исчерпали возможности для создания новых бенефиций.

– Это плохо, – нахмурился папа, – с этим нужно что-то срочно решать. На горизонте замаячили выборы императора, и мы должны быть уверены, что коллегия курфюрстов поддержит правильную кандидатуру. Нам нужны свободные бенефиции.

– Вы, несомненно, помните, ваше святейшество, – почтительно отозвался Скампа, – что в результате известных событий огромное количество бенефиций оказалось в распоряжении кардиналов. Изъятие некоторой части решило бы проблему с большим запасом.

– Изъятие... – задумчиво проговорил папа. – Мне нравится это слово. Это хорошее, правильное слово. Но!

Скампа замер, всей позой демонстрируя напряжённое внимание.

– Но это необходимо сделать правильно, – продолжал папа, – ни у кого не должно возникнуть протестов. Под это следует подвести твёрдое обоснование, нам не нужны волнения и разброд накануне выборов. Мы должны быть едины, понимаешь меня, мальчик мой?

– Мои люди работают над этим, ваше святейшество. Кардинал Скорцезе кажется нам наиболее подходящей кандидатурой.

– Скорцезе... – папа поморщился. – Нахапал столько, что

это стало уже просто неприличным. Но и подступиться к нему не так просто, слишком уж большая у него поддержка. Слишком большая! – Папа в задумчивости побарабанил пальцами по столу. – Ну что ж, мальчик мой, если у нас получится убедить сына нашего Скорцезе быть скромнее, то это будет поистине богоугодным делом.

– В таком случае, ваше святейшество, – поклонился епископ, – с вашим благословением мы начинаем работать над этим планом.

– И кстати, – вспомнил папа, – раз уж мы заговорили про Скорцезе – чем закончилось то дело со схизматиками?

– Я уже докладывал вам, что там вмешалась целительница Милослава Арди...

– Для целительницы она как-то больно уж ловко разделяется с моими гвардейцами, – с раздражением сказал папа. – Но я прервал тебя, продолжай, Луиджи.

– Мы подали протест, однако князь Новгородский отказался рассматривать наши претензии.

– Наглость язычников невозможно преувеличить! – Папа встал из-за стола и начал прохаживаться по кабинету, пытается успокоиться. Скампа следил за ним с выражением почти-тельного внимания. – Они не понимают, что они ещё дышат лишь благодаря безмерному терпению Господа нашего!

Папа подошёл к небольшому бюро, достал оттуда флакон с маленькими зелёными пилюлями и запил одну из них водой.

– Опять я разволновался, а ведь мне нельзя, – вздохнул папа. – Годы берут своё. Но продолжай, мальчик мой, не обращай внимания на брюзжание старика.

– Мы пытались подвести к ней своих людей, но безуспешно. Наши люди пропадают бесследно, не успев даже подобраться к ней поближе. Похоже, князь Яромир очень плотно её опекает.

– Я бы тоже опекал на его месте, – проворчал папа. – Но всё равно, мы не можем и дальше делать вид, будто ничего не произошло – схизматики уже водят туристов смотреть на наш позор. Господь наш Иисус Христос может позволить себе терпеть бесконечно, а мы нет.

– Аббат Верде предложил неплохой план насчёт Арди, – осторожно начал Скампа. – И что любопытно, в нём нашлось место и для кардинала Скорцезе...

– Доминик Верде? – заинтересованно посмотрел на него папа. – Доминик хороший мальчик. Редко лезет вперёд, но когда что-то говорит, его стоит послушать. Рассказывай, Луиджи...

Глава 1

– Вижу – отдохнули, горите энтузиазмом, – проговорил Менски, оглядывая нас. – Ведь горите, да, Арди?

– Конечно, наставник, – вежливо отозвался я. – Горим.

– нравятся мои занятия, Арди? – приподнял бровь Генрих.

– Не то чтобы нравятся, но я понимаю, что они необходимы, – ответил я. – Как приговаривает наша кухарка: «Лишь бы на здоровье».

– А наша кухарка говорила: «Доброй свинье всё в сало», – ответил Генрих ухмыляясь.

– Вы, наверное, в детстве хорошо кушали, наставник? – спросил я с интонациями любопытного ребёнка.

«Гм», – сказал Генрих, вытаращившись на меня. Девчонки в ужасе зажмурились. Прошла пара секунд грозowego молчания, и Генрих заржал.

– Неплохо, Арди, – сказал он сквозь смех. – Но советую не зарываться. Ты, конечно, парень непростой, но всё же не забывай, что тебе я могу устроить весёлую жизнь, а вот ты мне вряд ли.

– Я буду это помнить, наставник, – пообещал я.

Хотя что тут запоминать – я это и так прекрасно знаю, да собственно, у меня и не было мысли его доводить. Судя по его ответу, Генрих понял мой намёк насчёт того, что я не

хочу быть объектом его шуточек, и принял это к сведению, а стало быть, дальше у нас предполагается мир и дружба.

– Вот и договорились, – кивнул Менски. – Итак, как вы уже поняли из расписания, второй курс практически полностью повторяет первый, отличие только в более углублённом изучении. В основном мы будем отрабатывать уже пройденные конструкторы защиты, но будем изучать и новые. Будете учиться выживать в огне и в воде. Факультативно разберём пару-тройку бытовых конструкторов, но вообще-то, бытовку мы оставляем на внеклассные занятия. Предполагается, что разную мелочёвку вы будете изучать с личным наставником. Или не изучать, если вас устраивает жить в мокрой холодной палатке и сушить вещи у костра.

– А что-нибудь атакующее мы будем проходить? – вылез Иван.

– Зачем тебе, Сельков? – поднял бровь Генрих. – Что толку от того, что ты год отрабатывал защитные конструкторы, если тебя может пристрелить любая обезьяна с ружьём? И зачем тебе атакующие конструкторы – чтобы ты сам себе что-нибудь отстрелил? Дурак и с конструкторами дурак, Сельков.

Иван набычился и покраснел, но молчал. Правильно делал, что молчал, хотя, на мой взгляд, с его стороны было бы умнее и с самого начала не раскрывать рот. Ясно же было, что Генрих его фиаско без внимания не оставит.

– А ты знаешь, Сельков, что у меня спросил ректор? – продолжал Генрих. – Он поинтересовался, как это я учу сту-

дентов, что они в боевой обстановке гуляют разинув рот, как дурачки на сельской ярмарке. Может быть, ты считаешь, что ректор будет из-за тебя делать мне выволочки, а ты и дальше будешь расслабляться на моих занятиях? Ты ошибаешься. Говно всегда стекает сверху вниз, и ты, Сельков, в самом низу.

Иван убито молчал. Перспектива у него вырисовывалась не особо благоприятная – если уж дело дошло до ректора, Генрих ему спуска не даст. С другой стороны – а кто же виноват? То, что Иван отделался лёгким ранением – это всего лишь счастливая случайность. Либо Генрих его всё-таки выучит на совесть, либо Ивана рано или поздно убьют.

– К остальным у меня претензий нет, – объявил Менски. – Я бы даже сказал, что для первокурсников вы неплохо выступили. Исключительно поэтому я всё же отвечу на вопрос Селькова. Так вот, как я уже сказал, весь второй курс, как и первый, вы будете отрабатывать защиту. На третьем вы будете изучать нелетальные воздействия, и только на четвёртом дело дойдёт до атакующих конструкторов.

Я поднял руку.

– Наставник, что понимается под нелетальными воздействиями?

– Разные способы обезвреживания, например, оглушение или переломы конечностей. И, разумеется, сопротивление таким воздействиям.

– И каким образом мы будем это отрабатывать?

– Вам пока рано об этом волноваться, – усмехнулся Менски. – Через год всё узнаете сами. А вообще стандартный зачёт у нас парный – один студент пытается сломать другому ногу или руку, а второй соответственно не хочет. Если получилось сломать, то он сдал, а второй, стало быть, нет. А если не сломал, то наоборот. Вы же наверняка не раз видели студентов на костылях – это неуспевающие третьекурсники. Мы их не сразу лечим, чтобы был стимул подтянуть успеваемость. А неуспевающих четверокурсников мы просто тихо хороним – это я на тему атакующих конструкторов, Сельков.

Девчонки слушали это с выражением ужаса на лицах.

– Ну а ты, Сельков, будешь сдавать мне, – сказал Генрих с доброй улыбкой, и Иван побледнел.

Со стимулами у студентов Академиума определённо всё в порядке. Даже если Генрих по своему обыкновению нас запугивает, наверняка он не так уж и сильно преувеличивает. Мне вспомнился мой университет – первая пересдача, вторая пересдача, двоечники вечно подкарауливают и канючат... А здесь взяли, и решили проблему радикально – после сессии отличники отдыхают, троечники лечатся, а двоечники спокойно лежат по могилкам и ни у кого не отнимают драгоценное время. Будь я и здесь преподавателем, от такой организации учебного процесса был бы просто в восторге. Но раз уж я сам студент, то лучше бы на всякий случай приналечь, а то вдруг и в самом деле заканчивают только отличники. Стефа, помнится, говорила, что умирает не так уж

много студентов, но сама вот эта формулировка «не так уж много» мне уже как-то не нравится.

* * *

Мощный удар, казалось, потряс весь склад материалов завода «Милик». Младший кладовщик Фёдор Малушин чуть не выронил кружку с горячим чаем и вполголоса выругался. Его напарник Завид Зима, чаёвничающий с ним в каморке кладовщиков, покачал головой:

– Ну и принесло же грозу. Сейчас в деревне как раз начинают урожай убирать, вот им радости-то этакий потоп.

– А чего это ты деревню вспомнил? – хмыкнул Фёдор.

– А чего мне её не вспомнить? Я же сам деревенский, из Тёсово, у меня вся родня там. Через недельку думаю отпуск испросить, да и съездить к родне, надо помочь им с уборкой.

– А я тут что – один на весь склад останусь? – возмутился Фёдор.

– Один останешься, – подтвердил Завид. – Как я остался, когда ты в позапрошлом месяце на пляже пузо грел.

Фёдор помрачнел. Одному на складе управиться можно, но придётся вертеться, как белка в колесе. Погонять чаи в каморке уже вряд ли получится – новые хозяева завода подмечали малейший беспорядок и спрашивали за него строго.

– Ладно, – вздохнул Завид, поднимаясь, – пойдём проверим, всё ли в порядке. А то мало ли... грохочет-то как. Не

дай боги чего случится – Проньке с распределительного вон руки переломали.

– Проньку на воровстве поймали, – возразил Фёдка, но всё-таки с неохотой встал.

– Небрежения тоже не простят, – отозвался Завид, и Фёдор машинально кивнул.

Дождь грохотал по крыше склада. Молнии сверкали одна за другой, сквозь маленькие окошки отбрасывая голубоватые блики на стеллажи. Фёдор дошёл почти до конца прохода, когда его взгляд упал на краешек непонятно откуда взявшейся лужицы под стеллажом. Он посмотрел на неё в недоумении, затем заглянул под стеллаж. Лужа была изрядной, но откуда она взялась, было по-прежнему неясно. Фёдор быстро обежал вокруг стеллажа, но ничего не выяснил. Наконец, тяжело вздохнув, он подкатил стоявшую неподалёку лестницу и полез наверх. А там с ужасом обнаружил, что на тюки с дорогостоящим силовым наполнителем струёй льётся вода с крыши.

Дальнейшее запомнилось у Фёдора в виде какой-то безумной гонки. Вместе с Завидом он лихорадочно перекидывал тюки на другие стеллажи, бегал с вёдрами, прикрывал всё что можно кусками брезента. Наконец гроза ушла дальше, дождь стих, и взмыленные кладовщики посмотрели друг на друга.

– Мы попали, Завид, – тоскливо сказал Фёдор. – Этот наполнитель стоит столько, что проще самим повеситься.

– Надо сдаваться, – угрюмо ответил Завид. – Чем дальше, тем хуже будет. Если сразу не сообщим, с нас за всё спросят.

* * *

Поместье понемногу строилось. Точнее, наш дом уже был построен полностью, но жить в нём было ещё нельзя – строители ушли, но художники всё ещё расписывали потолочные плафоны, и работа эта грозила затянуться до следующего лета. И не сказать, что это долго – Микеланджело расписывал потолок Сикстинской капеллы четыре года, и такой срок ещё считается рекордно коротким. Наша роспись, конечно, сильно попроще, но тоже дело небыстрое. Интересно, а что здесь вместо Сикстинской капеллы? Что-то я сомневаюсь, что её здесь построили, да и сам папа Сикст IV вряд ли в этом мире существовал.

– Кира, а ты, случаем, не знаешь, где собирается конклав? Зайка даже поперхнулась от неожиданности.

– Вообще-то, знаю, – с удивлением сказала она. – Мы же с Кириллом этим летом отдыхали в Пизауруме², и съездили в Рим погулять и посмотреть. Нас там водили на экскурсию в церковь Аврелия Августина³, и экскурсовод говорила, что как раз в южном приделе этой церкви и сидят кардиналы,

² Римский Пизаурум у нас сейчас называется Пезаро.

³ В нашей реальности в Риме также существует церковь Святого Августина (Сант-Агостино), построенная в XV веке, но это совсем другая церковь.

когда выбирают папу. А почему вас это заинтересовало?

– Да просто интересно, – улыбнулся я.

Зайка хмыкнула, недоверчиво на меня посмотрев, но ничего не сказала.

– Я вот что думаю, – сказал я, оглядывая окрестности, – пора нам переезжать. Кропотов Луг район, конечно, неплохой, но мы уже начинаем выглядеть странновато, живя там среди купцов и мелких дворян.

– А как же художники? – спросила Зайка.

– Пусть себе рисуют, мы можем временно в служебный флигель переехать. Всё равно ведь полный штат слуг не нужен, пока дом не будет готов, так что места нам хватит. А ты, если хочешь, можешь не переезжать, пока твой особняк не закончат отделывать.

– А что будет со старым домом?

– Ничего не будет, – ответил я, – я его не собираюсь продавать. Как-то не поднимается рука продать дом, в котором всё наше детство прошло. Тем более Арина со Жданом никуда уезжать не хотят, вот пусть и дальше там живут, и за домом присматривают.

– Почему они не хотят переезжать?

– Это как раз понятно, я и ожидал, что они откажутся. Они уже немолодые, все их друзья-знакомые там, зачем им переезжать куда-то за город на болото? Я их понимаю и принуждать не собираюсь, тем более они для нас фактически члены семьи. Пусть живут где хотят и как хотят, семья от

этого не обеднеет. Но поскольку Ждан остаётся там и больше не сможет возить маму, то ей нужен новый водитель, да и машину ей тоже надо новую купить, посолиднее.

– Я сделаю, – пообещала Зайка, делая запись в своём ежедневнике.

– А вот ещё насчёт машины: есть у меня замечательная идея, как можно сильно увеличить доход Вышатичей от продажи самобегов. Проблема только в том, что просто дарить им идею я не хочу, но никак не могу придумать способ, как нам тоже получить с этого какую-то выгоду.

– А что за идея? – в глазах Зайки засветилось любопытство.

– Можно заставить люди дополнительно платить за самые бессмысленные добавления, например, за хромированные накладки или за особую окраску бамперов.

– Вообще-то люди не обезьяны, чтобы кидаться на какие-то ненужные блестяшки, – скептически заметила Зайка.

– Ты права насчёт того, что люди не обезьяны, – согласился я. – Хотя поведенческие шаблоны совершенно идентичны, людей легко отличить по отсутствию хвоста.

– Вот сейчас это было жестоко, – захихикала Зайка. – Но по правде говоря, временами я и сама так думаю.

А ведь я, похоже, смогу научить её плохому. В конце концов, я прибыл из мира, где маркетологи давно разобрали все поведенческие шаблоны, и научились виртуозно вытряхивать деньги из карманов населения. Причём это самое на-

селение уже давно поняло, что его обманывают, но всё равно снова и снова несёт свои кровные жуликам от торговли. Сам нёс, при этом ругая маркетологов и чувствуя себя дураком.

– Ну вот смотри, – взялся я объяснять, – если не считать представительских машин, у Вышатичей сейчас линейка из двенадцати моделей, которые чётко различаются по ценам. Представим, как можно построить линейку моделей иначе. Допустим для простоты, что мы делаем три модели, условно «Мещанин» за сто гривен, «Купец» за двести и «Дворянин» за триста. Базовые модели разве что ездить умеют, их можно даже вообще не производить. Эта цена только для рекламы. К ним делаем пакеты дополнений. Например, для «Мещанина» предлагаем дополнительную комплектацию «Уважаемый сосед» за тридцать гривен, в которую входит устройство микроклимата вместо неотключаемой печки, фары, которые светят наружу, и круглые колёса вместо квадратных. То есть на такой машине уже можно нормально ездить. Следующая комплектация «Потомственный горожанин», в которую включается более мощный двигатель, более яркие фары, радиоприёмник, ещё какие-нибудь приятные мелочи вроде освещения салона, будет стоить шестьдесят гривен. И наконец, комплектация «Почётный гражданин» за девяносто гривен включает кожаный салон, отделку хромом, окраску металлик, и вообще богатый внешний вид. В результате получается, что мы вроде продаём самобег за сто гривен, но покупатели совершенно добровольно платят в среднем сто

шестьдесят. А для того чтобы покупатель, рассчитывавший на гораздо меньшую сумму, не ушёл без машины, рядом сидит представитель банка, который тут же выдаёт ему заём под залог нового самобега.

Уже в середине моей речи Зайка начала улыбаться, а к концу она уже безудержно смеялась.

– Ну и что я смешного сказал? – с некоторой обидой спросил я.

– Сразу видно, что вы в Академиуме учитесь, а не на финансовом, – сказала Зайка, просмеявшись. – Но это нормально – дворянину, да ещё и одарённому, простительно такие вещи не знать, вы всё же не купец. Эти трюки уже пробовали в разных вариантах. Поэтому у нас во всех княжествах восемьсот лет назад приняли единый свод уложений для купечества. Туда входит, в частности, уложение «О честной торговле», а в нём есть раздел, который называется «О неявном понуждении». Практика неявного увеличения цены за счёт понуждения к покупке дорогих дополнений к товару наказывается штрафом до ста тысяч гривен, а при повторном нарушении – отзывом купеческой лицензии. Дополнения по выбору покупателя разрешены, но они могут предлагаться с наценкой не более двадцати процентов к себестоимости. Причём разрешены только незначительные функциональные дополнения, которые обоснованы разницей в покупательских требованиях. То есть кожаный салон предлагать нельзя – он не добавляет функциональности, и покупатель, который хо-

чет более дорого выглядящий самобег, должен выбирать более дорогую модель. Более мощный двигатель тоже нельзя, это значительное добавление. А вот, например, более мощную печку поставить можно, но она у Вышатичей стоит примерно десять кун всего, а в тех самобегах, которые продаются в Мурмане⁴, она вообще идёт в стандартной комплектации. Основной принцип состоит в том, что покупатель должен получить товар именно за ту цену, которая была объявлена, и заметное увеличение цены под любым предлогом является незаконным.

В который раз я почувствовал себя идиотом. Нет, ну в самом деле – с чего я взял, что до этого здесь никто не способен додуматься без такого умного меня? Надо заметить, что здесь развитие финансов и торговли пошло по совершенно другому пути. Там у нас огромное влияние на деловую практику оказала прежде всего американская культура с упором на букву договора. Если американец сумел воспользоваться дыркой в договоре и обобрал партнёра, то он молодец, и пользуется всеобщим уважением за хитрость и ловкость. Здесь Соединённых Штатов не случилось, и прежде всего рассматривается дух договора – причём даже суд главным образом анализирует то, как понимали предмет договора стороны во время его заключения.

– А вообще уложение «О честной торговле» меняется по-

⁴ Мурман – старинное название Кольского полуострова, от него же пошло и название города Мурманск.

стоянно, – продолжила Зайка. – Купчины всё новые и новые трюки придумывают, очень изобретательный народ. Их за эти изобретения регулярно штрафуют, а иногда и в тюрьму сажают. Ну и уложение дополняют насчёт новых способов. И кстати, что касается займов – их можно выдавать только в помещении банка. Выдача займа за пределами банка, или хотя бы предложение такого займа, в законе называется понуждением к кабальному контракту, и является уголовным преступлением. При этом выданный заём возвращать необязательно.

– погоди, а как же разные подпольные ростовщики дают деньги в долг? – заинтересовался я.

– займы от частного лица дозволяются. Ещё они бóльшую часть займов оформляют как фиктивную продажу, или под договор аренды, или ещё как-нибудь. А чаще всего они деньги без всякого договора дают, даже без расписки. По закону их не так просто ухватить, хотя, конечно, всё можно, было бы желание. Но пока особо не наглеют, желания обычно ни у кого нет.

Тут Зайка внезапно задумалась и на пару минут ушла глубоко в себя. Мне было любопытно узнать, до чего она додумается, и я терпеливо ждал.

– А знаете, – наконец сказала она, – вы подали очень интересную идею. Вышатицам она не нужна, а вот для нас здесь есть интересный вариант. Мы же можем разбить мобилки по моделям. Например, базовая модель «Рядовой», затем более

мощная модель «Ритер⁵», и наконец, самая помехозащищённая и дальнобойная модель «Тысячник». А для дворян можно делать по спецзаказу с гербом.

– А с уложением никаких конфликтов не будет? – осторожно спросил я.

– Нет, если между ними будет разница не только в названии и оформлении. Но Дражан Второв постоянно совершенствует свои мобилки, так что мы вполне можем усовершенствованные продавать как другие модели, и гораздо дороже.

– Тогда действуй, – одобрил я.

Надо бы мне заканчивать вылезать с умными идеями, так ведь можно и растерять весь авторитет у своих сотрудников. Я – руководитель, мне положено благосклонно выслушивать идеи подчинённых, и снисходительно им объяснять, что они придумали полный бред. А у меня почему-то получается наоборот – я высказываю идеи, которые подчинённые разносят в пух и прах. Пора уже окончательно бросить мысли о прогрессорстве – полковники, как известно, не бегают⁶, а начальники не изобретают.

⁵ Ритер – командир копыя. Звание «ритер», как и название подразделения «копьё» произошло от европейского рыцарского копыя.

⁶ Старая шутка насчёт того, что полковники не бегают, потому что в мирное время это вызывает смех, а в военное – панику.

Глава 2

Антон Кельмин нашёл Киру в столовой для управленческого персонала.

– Разрешите присоединиться, госпожа? – вежливо осведомился он.

– Присоединяйся, Антон, – разрешила Кира. – Просто так захотел составить компанию или есть дело?

Кельмин задумался, пытаясь сформулировать.

– Есть дело. – наконец ответил он. – Вот только не знаю – неприятное или просто странное. У нас на «Милике» используется такой специальный наполнитель для артефактов...

– Знаю, конечно, – с некоторым удивлением ответила Кира. – Достаточно один раз увидеть за него счёт, и его уже не забудешь.

Кельмин кивнул соглашаясь.

– Так вот, в прошлую грозу через дырявую крышу склада тюки с ним залило водой.

– Сколько испорчено? – потребовала Кира. – Выяснили, кто виноват?

– Испорчено немного сверху, примерно на сотню гривен. Кладовщики молодцы, вовремя успели всё убрать. А вот на счёт виноватых как раз и есть главная странность. Дело в том, что дырку в крыше сделали нарочно, причём там при-

крепили специальный карниз, чтобы вода с крыши туда стекала, но чтобы при этом снизу не было видно, что в крыше дыра. Так бы наполнитель осенними дождиками и мочило постепенно, и никто бы ничего не замечал, но случилась сильная гроза. Воды сразу натекло слишком много, и под стеллажом скопилась лужа. И кладовщики её заметили.

Кира внимательно на него смотрела, ожидая продолжения.

– Что мне тут непонятно: зачем это было затеяно? Кто-то нас так не любит, что хочет хоть немного напакостить? Ведь какой ни дорогой этот наполнитель, для семейства это не деньги. Как-то бессмысленно всё это выглядит.

– Нет, Антон, смысл в этом есть, – со вздохом ответила Кира. – Ты просто не знаешь одну деталь: этот наполнитель не только дорогой, его к тому же невозможно купить вот так сразу. Его делают под заказ, и заказывают за три месяца.

– То есть если бы не эта гроза, в один прекрасный момент мы могли бы обнаружить, что наполнителя у нас нет? – дошло до Кельмина.

– Да, и завод бы надолго встал, – кивнула Кира. – Портили не наугад, явно умные люди это планировали.

– Тогда это уже не шутки, – сказал Кельмин. – Надо докладывать господину.

– Надо, – согласилась Кира, – но его первым вопросом будет: что вы по этому поводу предпринимаете? Так что давай сначала обдумаем наши действия, а потом уже пойдём

к нему с какими-то предложениями, а не как дети, которые прибежали жаловаться взрослому.

– Надо вводить порядки как на «Мегафоне» – каждый имеет доступ только к своему рабочему месту, любое шаг в сторону только со специальным пропуском.

– Вот и готовь предложения, я тоже над этим подумаю. И знаешь, что ещё я вспомнила: у нас последнее время слишком много разных поломок происходит. Я уже начала удивляться, а сейчас думаю, что всё связано. Кстати, а кто знал, в каком конкретно месте наполнитель лежит? Там на складе наверняка не так много народа бывало.

– Исполнителя-то мы нашли, точнее, поняли, кто это сделал. Это недавно нанятый паренёк, вот только он пропал куда-то, и дома не появился. Так что насчёт заказчика никаких идей пока нет.

– Стало быть, работаем и готовим доклад господину, – подытожила Кира.

* * *

Потянулись обычные учебные дни. Очередная боевая практика началась как всегда, с пробежки, но вместо того, чтобы перейти к привычным спаррингам или к отработке защитных конструкторов, Менски начал с неожиданного заявления:

– Итак, вы уже кое-чему научились, и вам пора начинать

заниматься боевой практикой, – начал Генрих. – Вы можете спросить – а чем же тогда вы занимались весь предыдущий год? Отвечаю: вы изучали основы, без которых вы не могли начать полноценное изучение предмета. Главное в боевой практике вовсе не отработка конструктов, хотя, конечно, это необходимо. Вот, в частности, у вас наверняка сложилось впечатление, что вы вот-вот станете неуязвимыми, стоит только ещё подучить защитные конструкты. Так вот, это чушь. Сколько бы конструктов вы ни выучили, вас всё равно сможет убить любой деревенский увалень. Не то чтобы он мог легко это сделать, но такая возможность реально существует.

Ленка непроизвольно кивнула и Генрих это заметил.

– Что, Менцева, приходилось убивать Владеющих? – с улыбкой спросил он.

– Ножом в спину, неожиданно, – с неохотой ответила та.

– Это понятно, что в спину, как бы ты ещё могла справиться, – усмехнулся он и обратился ко мне: – А ты, Арди, как относишься к ударам в спину?

– Вот так, в общем случае, нельзя сказать, – ответил я. – Нужно рассматривать конкретные обстоятельства. Если, допустим, коварный враг нанёс подлый удар в спину, то это, конечно, отвратительно. А если, к примеру, опытный воин умело выполнил фланговый обход и решительным ударом положил конец противостоянию, то это совсем другое дело. Здесь нельзя смешивать.

– Сразу видно человека, который без колебаний использует любой подлый приём, – одобрительно кивнул Менски. – Молодец, Арди, очень здраво рассуждаешь. В общем, всё так и есть – ты можешь владеть Силой на высочайшем уровне, но если подкравшаяся сзади деревенщина втыкает тебе ржавые вилы в печень, то на этом твой путь заканчивается. Владеющий – это прежде всего конструкты, но боевик – это не только, и даже не столько конструкты. Скажи-ка мне, Арди – а что ты можешь предложить, чтобы избежать такого печального конца?

Я подумал. Вариантов приходило в голову не так уж много.

– Я так полагаю, – наконец ответил я, – что лучше всего иметь под рукой боевых товарищей, которые сами воткнут противнику в печень что-нибудь ржавое.

– Очень хорошо, Арди, – с удовлетворением сказал Менски. – Продолжай в том же духе, и у тебя будет хороший шанс получить автомат по моему предмету. Всё верно, в одиночку работают только неудачники в третьеразрядных вольных отрядах. Когда будете подписывать контракт, первое, что вы должны выяснить – сколько Владеющих будет работать с вами в группе. Если один или двое – не советую подписывать. Если вы будете единственным Владеющим – убегайте оттуда, какие бы замечательные условия вам ни предлагали. Убить Владеющего не так уж сложно, и выживаемость у одиночек не очень высокая. Постарайтесь также не попасть в княже-

скую дружину – для Владеющего это тупик и конец карьеры. Никаких боевых действий, размеренная спокойная жизнь и очень низкое жалованье – полный набор условий для того, чтобы ваше развитие остановилось.

– Мы подписали контракты с семейством Арди, – заметила Дарина. – После Академиума будем служить в их дружине.

– Вот как? – удивился Менски. – На втором курсе, и уже контракт, да ещё с Арди? Хотя, с другой стороны, кому, как не вам. Они, конечно, рискуют, подписывая контракт с младшекурсниками, а вот вам крупно повезло. Их дружина хорошо обучена, прекрасно оснащена и постоянно воюет. При этом у них очень низкие, я бы сказал, ненормально низкие потери, а у их Владеющих потерь нет вообще. Добавьте к этому высокое жалованье, и вы поймёте, почему старшекурсники мечтают об этом контракте. Но мы отвлеклись. Итак, мы с вами начинаем изучать основы групповой и совместной работы Владеющих. К следующему занятию вам нужно разработать для вашей группы тактическую схему обороны вот по этим вводным. – Он потряс довольно толстой папкой. – А на занятии мы с вами разберёмся, почему то, что вы написали, является полной чушью. В общем, домашнее задание у вас есть, а сейчас для начала немного подерёмся.

После боевой практики я попросил группу задержаться:

– Послезавтра нам нужно принести эту самую тактическую схему. Непонятно, сколько времени нам придётся её

делать, так что лучше начать сегодня, чтобы у нас был какой-то запас. Давайте решим, где соберёмся. В принципе, можно посидеть здесь в библиотеке.

Девчонки переглянулись, и Дарина сказала:

– Можно у меня собраться. Посмотрите, как мы живём.

Ленка заинтересованно на меня поглядела.

– Хорошо, давай у тебя, – согласился я.

– Приходите тогда к шести. Третий корпус общежития, комната двадцать два. Это на втором этаже.

– Разберёмся, – махнул я рукой.

* * *

– Нам нужно ещё заехать в магазин и купить еды, – заметил я, глянув на часы.

– Зачем? – удивилась Ленка.

– Мы в гости идём, – пояснил я снисходительно. – К студентам.

– И зачем им нести еду? – Другой бы подумал, что это шутка и засмеялся, но я-то знал, что она и в самом деле не понимает.

– Затем, что студент – существо наглое, прожорливое и совершенно бессовестное. И если его не накормить, он способен на любое правонарушение, даже на съедание чужого.

В своё время у меня в общежитии прямо с плиты украли кастрюлю с супом. Я до сих пор помню это чувство глубокого

непонимания «Она же вот только что здесь стояла», переходящее в недоверие «Меня же не было всего две минуты», а затем в тоскливое осознание того, что меня только что нагло обокрали. Благодаря моей врождённой упёртости я всё же нашёл пропажу – суп был сильно недоварен и его поставили довариваться на кухне пятью этажами выше. Вор благо-разумно не показался на глаза, и поступил мудро – несмотря на голод, я был вполне настроен пожертвовать супом и надеть эту кастрюлю ему на уши.

Ленка скептически посмотрела на меня и равнодушно пожала плечами. Ну в самом деле – откуда ей знать, что такое студенческая жизнь в общежитии?

– Демид, где у нас хороший магазин с продуктами, чтобы всё было? – спросил я водителя.

– У купца Кудьяра на Рогатице⁷ хорошая лавка, – отозвался Демид. – Там многие дворяне закупаются. Ну, которые из мелких, конечно.

– Поехали к Кудьяру, значит, – распорядился я.

А ничего так лавка у купца Кудьяра – как бы и не побольше Елисейевского гастронома, пожалуй. А судя по швейцару у входа и моментально подскочившему приказчику, дворяне, которые здесь закупаются, не такие уж и мелкие. Дедушка Путята и бабушка Ольга сюда, конечно, с авоськами не бегают, ну так они вообще по лавкам не бегают.

– Чем могу помочь, господа? – приказчик с достоинством

⁷ Рогатица – улица на Торговой стороне Новгорода.

наклонил голову. Мне сразу понравилось заведение – ненавижу лакейскую угодливость.

– Соберите продуктов, чтобы накормить трёх молодых людей с очень хорошим аппетитом. Окорок, колбасы какие-нибудь, сладкое.

– Кени, пусть сделают ещё салатов для девочек, – заметила Ленка, с интересом рассматривая чучело медведя, держащего в лапах корзину с колбасами.

– Это же лавка, а не ресторан, – возразил я. – Где они салаты возьмут?

– Не беспокойтесь, господин Кеннер, – вклинился приказчик. – Мы готовим салаты и холодные закуски.

– Откуда вы меня знаете? – удивился я.

– Мы все гербы знаем, – с гордостью ответил приказчик. – А портреты ваши часто появляются в светской хронике. И портреты госпожи Лены, – он поклонился Ленке. – Семейство Арди наши старые клиенты, ваши слуги у нас и покупают продукты. У нас сама сиятельная Милослава не так давно заказывала большой торт для своих сотрудников. Кондитерская Кудьяра по праву считается лучшей в Новгороде.

– Дааа? – в глазах у Ленки загорелся огонёк интереса.

– Тогда пирожные, – обречённо вздохнул я. – Для трёх девушек, которые очень любят сладкое, и которым не надо волноваться о фигуре. Разных, с запасом, чтобы точно хватило. И салаты, конечно. И всё прочее, чтобы никто не остался голодным.

Общага внушала. Красивое четырёхэтажное здание, отделанное сероватым мрамором и украшенное барельефами, как-то не очень вязалось с таким названием. Никаких бабushек-вахтёрш внизу, разумеется, не было. В просторном мраморном холле нам встретилась только пара девушек, которые, проходя мимо нас, вежливо мне поклонились.

– А что это они тебе кланяются? – с недоумением спросила Ленка.

– Что тебе непонятно? – хмыкнул я. – Это же пятый курс боевого.

– И что?

– И то, что они либо уже подписали с нами контракт, либо собираются, – объяснил я. – Я для них не безымянный студент-младшекурсник, а тот, кому они будут служить следующие двадцать лет.

Мы поднялись по широкой лестнице и двинулись налево по красиво отделанному коридору. Двери комнат располагались довольно далеко друг от друга – судя по всему, популярная у нас схема «два студента на десятиметровую комнатушку» здесь совсем не популярна. Но звуки из-за дверей доносились обычные для вечерней общаги – громкие разговоры, взрывы смеха, и конечно же, неизменное бездарное бречанье на гитаре. Наконец длинный коридор закончился, и мы

постучали в дверь с двумя двойками.

Все наши были там. Как оказалось, это была совсем не комната, а двухкомнатная квартира, причём в гостиной легко могла бы поместиться целиком типичная двушка из хрущёвки.

– Вы все здесь живёте? – с любопытством спросил я.

– Нет, конечно, – ответила Дара, слегка покраснев. – Здесь я живу. Ваня в двадцать седьмой, а Смела в двадцать четвёртой. А чем это так вкусно пахнет?

– Мы закусок разных принесли, чтобы сидеть было не так скучно.

– Ой, надо дверь запереть, а то сейчас сюда пол-общаги завалится, – встрепенулась Дара. – Если этот запах почуют, то по следу пойдут, как ищейки.

Как это знакомо, я чуть не прослезился. Отделай общагу хоть золотом и яшмой, она всё равно останется общагой. Правильно писал Булгаков, что дело в головах⁸.

– Хорошо живут дворяне, – с завистью сказал Иван, глядя на появляющиеся из пакетов деликатесы.

– Да, Иван, дворяне именно так и живут, – с иронией ответил я. – Притащат домой мешок еды, запрут все двери, чтобы соседи не проникли, и едят, едят, едят...

На этот раз Иван засмеялся первым. Неужели начинает понемногу избавляться от своих заскоков? Похоже, девчонки хорошо на него влияют.

⁸ Это «Собачье сердце», конечно же.

Я сидел и с умилением смотрел на студентов, сметающих еду со стола. Эх, где мои студенческие годы... Хотя формально я, конечно, и сам студент, но всё же второй раз – это совсем не то. А за столом девчонки уже живо обсуждали своё.

– А я-то вообще бесприданница, – грустно сказала Дара.

– Ну вот у меня приданое есть, и что с того? – заметила на это Смела. – Кому в городе нужно деревенское приданое, и куда я эти подушки и перины дену?

– Ну мало ли? Какое приданое ни есть, а оно есть.

– А что, в деревне без приданого никак? – с любопытством спросила Ленка.

– Что ты, что ты, – фыркнула Смела. – Там всё строго, там и простыни наутро свидетели смотрят. В деревне без приданого ты никто, и на хорошего мужа можешь даже не рассчитывать. Разве что второй женой, но кому нужна вторая жена? В хозяйстве одной женщины достаточно. За последнюю тысячу лет в деревне ничего не изменилось.

– Лена, а у тебя приданое было? – спросила Дарина.

– Нет, у меня тоже не было, – покачала головой Ленка. – Мы же с Кеннером с детства знали, что поженимся, а внутри семьи какое приданое? Ну мы заказали к свадьбе фамильные драгоценности, это вроде и считается моим приданым. А вообще, я так понимаю, вы же дворянками станете? У дворян в приданое деньги дают, землю, акции. Перины не считаются, так что Смела, можно сказать, тоже бесприданница.

– Ну вот, – грустно сказала Дара, – и как нам быть?

– Вот смотрите, девчонки, – начала загибать пальцы Ленка. – В дворянскую семью вас вряд ли примут, да вам и самим туда не надо. Вам же замуж за одарённого нужно, так? Значит, у вас два варианта. Можете пойти в небольшой род третьими жёнами – у вас данные хорошие, вас возьмут. Родовичам до вашего приданого дела нет, точнее говоря, у вас нет никаких шансов собрать такое приданое, которое им будет интересно. Другой вариант – это выйти замуж за такого же, как вы, Владеющего в первом поколении. Он вас и без приданого возьмёт, и перине будет рад, потому что сам нищий.

– Чего это раз деревенский, то нищий? – возмутился Иван, оторвавшись от здоровенного ломтя окорока.

– Вань, у вас в деревне народ сколько зарабатывает? – спросила Ленка.

– Ну у нас там ведь огороды, – замялся Иван. – Деньгами, если работающий, гривны три в месяц всегда будешь иметь. У кузнеца, к примеру, другой расклад – он в месяц и пять, и шесть гривен может заработать.

– Для Владеющего даже четвёртого ранга это деньги совсем небольшие. А ты к тому же не от родителей сюда приехал, а из интерната, так что вряд ли они тебя особо деньгами снабдили. Ты для них с четырнадцати лет отрезанный ломоть.

– Всё так, – неохотно признал Иван, – но всё равно как-то

обидно. Кеннер, а сколько на четвёртом ранге зарабатывают?

– Про Владеющих в целом не скажу, а конкретно у вас после выплаты по займу будет оставаться примерно десять гривен в месяц, – прикинул я. – Но вы же не будете всё время на базе сидеть, а на контракте вам ещё боевые пойдут. И ещё мы за выслугу лет платим. Кое-какие подработки тоже разрешаются – вот, к примеру, ваши кураторы за работу с вами гривен пять в месяц имеют, правда, это частично с вас и вычитается. Ну а если в ранге подрастёте, то там уже другие цифры пойдут. Намного больше деревенского кузнеца, в общем. Кстати, Иван, давно хотел спросить – а чем в деревне кузнец занимается?

– Как чем? – не понял Иван. – Да всем он занимается.

– Вот прямо и гвозди куёт?

– Гвозди-то зачем ковать? – изумился Иван. – Их на проволочно-гвоздильном автомате делают. Но в нашей деревне его нет, их только в больших сёлах ставят, где далеко из города возить.

– А что вы тогда куёте?

– Ну именно ковки у нас не так много, и мы поковки всё равно на станках потом обрабатываем. А так-то вообще кузнец в деревне всё делает. И лошадей подковывает, и вся общинная техника на нём. В общине же и трактора, и грузовики, и сеялки-косилки разные. Всё на кузнеце. Ну и по домам какая техника сломается, тоже к батю идут.

Понятно. Я как-то себе представлял, что деревенский куз-

нец, как в старину, куёт гвозди, подковы, разные засовы с петлями и прочую нехитрую продукцию. А на самом деле это механик широкого профиля.

– А зачем вам лошади? Машина же удобнее.

– А зачем деревенскому грузовик? В общине, там понятно, а в своём хозяйстве для него работы мало. И денег на него надо уйму. Лошадка удобнее, в неё спирт не надо заливать, ей сена хватает. Она ещё и жеребёночка принесёт, а от грузовика маленького грузовичка не дождёшься. А если вдруг машина понадобится, то можно в общине взять.

– А деревенскому обязательно в общине быть?

– Да нет, наверное, необязательно, – неуверенно ответил Ваня. – Только что ты будешь делать без общины? Свою полосу на лошади пахать? Всё равно никуда не денешься, придёшь в общину наниматься. А по найму работать не очень выгодно, лучше хоть небольшой пай в общине.

Понятно, община – это тот же самый колхоз, только добровольный. В общем-то, ожидаемо, единоличное хозяйство никогда не было эффективным.

– Дара, а почему ты бесприданница? – поинтересовался я. – Извини, если вопрос невежливый.

– Да нет здесь секрета, – пожала плечами Дара. – Я сирота, у меня родители были вольниками, в одном отряде служили. Оба погибли, когда мне было двенадцать. Подсунули им какой-то гнилой контракт, нарвались на отряд со Старшими, чью-то дружину, наверное. В общем, почти весь отряд там

и остался. Я вот до сих пор не могу понять – почему не отступили-то? Ведь поняли же, что ничего не могут сделать, зачем дальше сражаться?

– Это только кажется, что отступить просто, – усмехнулся я. – Мы на стажировке так же попали. Нас там так огнём прижали, что головы было не поднять. Если бы не мама, мы бы там все и полегли. Вот поедем туда на экскурсию, сами увидите, что там было. Ладно, народ, доедайте и давайте разбираться, чем нас на этот раз Генрих загрузил.

Глава 3

В вип-кабинете ресторана «Ушкуйник» Ирина Стоцкая занималась любимым делом.

Собственно, она всегда любила общаться с людьми, которых благодаря своему дару хорошо понимала – и часто лучше, чем они себя сами. Сильный дар эмпатии прорезался у неё с самого детства, причём было совершенно непонятно, откуда он взялся – её родители были мелкими служащими, обычными мещанами. Можно было бы подумать на грехи матери, но сходство Ирины с отцом полностью исключало такое простое объяснение. К сожалению, дар Силы оказался невелик, и Ирина не смогла уйти дальше скромнейшего второго ранга, но сильная эмпатия, которой мог похвастаться далеко не всякий Владеющий, была вполне достойной компенсацией.

Правда, у дара оказалась и тёмная сторона – с личной жизнью у Ирины как-то не очень складывалось. Дар позволял быстро распознавать гниль в людях, и почему-то в её кавалерах гнили обычно оказывалось настолько много, что это сразу сократило количество перспективных женихов до статистической погрешности. Положение ещё больше ухудшилось после того, как она сумела попасть в слуги Арди. Она очень скоро на себе осознала вечную беду красивых и богатых женщин, вокруг которых постоянно крутится столько

альфонсов и прочей подобной публики, что приличные мужчины ухаживать за ними даже не пытаются. Впрочем, Ирина отнеслась к этому философски и ещё больше погрузилась в работу.

Последнее время Мира Дорн активно подгробала под себя всю документальную аналитику, и Ирина без всякого сожаления уступила ей работу с бумажками. Идеально было бы взамен подмять Миру под себя, но та с полным равнодушием пропускала мимо ушей любые распоряжения, исходящие не от господина. Ирина отнеслась к этой позиции с пониманием и предпочла сотрудничать. В принципе её вполне устраивало положение, когда она занималась только агентурной работой – бумаги никогда не были её сильной стороной.

Вот и сейчас она занималась тем, чем любила заниматься – общением, наведением мостов и завязыванием контактов. А говоря грубее и проще – вербовкой осведомителя. В роли будущего осведомителя выступал Тихомир, племянник главы влиятельного семейства Колояровых.

– Согласитесь, господин Тихомир, что заливная осетрина просто великолепна, – продолжала непринуждённую беседу Ирина. – Открою вам маленький секрет, который я поняла не сразу: мясные блюда в «Ушкуйнике», конечно, превосходны, но всё же заказывать здесь нужно рыбу. И только рыбу! Что касается рыбных блюд, ни один ресторан Новгорода даже близко не стоит рядом с «Ушкуйником».

Собеседник что-то невнятно пробормотал, вяло ковыря-

ясь в тарелке.

– Вы выглядите озабоченным, – обеспокоилась Ирина. – Надеюсь, с Игнатом всё в порядке? Очаровательный мальчик, завидую вам.

Тихомир чуть было не подавился этой самой великолепной заливной осетриной. С трудом проглотив кусок, он выпучил глаза на Ирину, и начал говорить с истерическими нотками в голосе:

– Если вы, почтенная, решили меня шантажировать...

– Тише, тише, господин Тихомир! – замахала руками Ирина. – Если вдруг кто-то из персонала услышит и донесёт господину, что я вас якобы шантажировала, мне придётся долго ему доказывать, что это обвинение совершенно несправедливо.

– А разве вы меня не шантажируете? – озадаченно спросил тот.

– Как можно! – оскорблённо посмотрела на него Ирина. – Мой господин очень щепетилен в отношении дворянской чести, и за попытку шантажировать дворянина по головке бы меня не погладил, уж поверьте.

Вообще-то Кеннер Арди ничего не имел против шантажа, да и против любых других методов тоже. Запрещён был лишь неумелый шантаж, приводящий к скандалу, но это маленькое уточнение Ирина предпочла опустить, как совершенно очевидное.

– Мой вопрос был продиктован исключительно искренней

заботой, – продолжала она. – Игнат очень милый мальчик, надеюсь, с ним всё в порядке?

– Всё в порядке, – неохотно подтвердил Колоярков.

– Но почему вы вообще заговорили о шантаже? – с недоумением спросили Ирина. – Неужели кто-то осуждает ваши отношения?

– Ну, мои родственники к такому не очень хорошо относятся, – со вздохом признался Тихомир. – И в частности, дядя. – Тут он вообще погрузился.

– Не сочтите мои слова оскорблением вашей уважаемой семьи, но это нельзя назвать иначе чем дикостью, – осуждающе заметила Ирина, и Тихомир непроизвольно кивнул. – Всё-таки у старых глав семей часто наблюдается такая, как бы это назвать... замшелость. Они просто не могут понять, что времена изменились, и сейчас такое отношение выглядит варварством. – Тихомир, сам не замечая, кивал, выражая своё полное согласие с речью. – Вы знаете, я счастлива, что служу семье, глава которой молод и не закосячил в предрассудках. Кстати, может мне стоит попросить господина поговорить с вашим дядей? Господин Кеннер пользуется заслуженным уважением, и возможно, у него получится переубедить господина Ярослава.

– Нет-нет, не надо! – с ужасом отказался Тихомир.

Ирина незаметно с облегчением выдохнула. Даже её богатого воображения не хватало на то, чтобы представить, как Кеннер Арди убеждает старого главу аристократическо-

го семейства, что его племянник-гомосексуалист, развлекающийся с несовершеннолетним любовником – это просто такой актуальный тренд. К счастью, собеседник отреагировал именно так, как ожидалось. Всё, что нужно, было сказано, и на этом тему увлечений молодого Колоярова следовало плавно закруглить.

– Ну что же, как знаете, – согласилась Стоцкая. – Но помните, что в моём лице вы всегда найдёте верного друга.

Тихомир Колояров особым умом не блистал, но до него вскорости обязательно дойдёт простая истина, что даже если шантажа как такового не было, то из этого совсем не следует, что у Стоцкой нет возможности сообщить его дяде вещи, которые тому знать совсем не стоит. Но разумеется, она никогда так не поступит с другом. Ведь для того и существует дружба, чтобы помогать друзьям, разве нет?

– Ах да, – спохватилась Ирина. – Совсем забыла, для чего я попросила вас о встрече. Вы не могли бы выступить консультантом по одному небольшому вопросу? Разумеется, с соответствующей оплатой ваших услуг эксперта.

Колояров снова вытарачился на Ирину. К счастью, во рту у него уже не было осетрины, которой он мог бы подавиться.

– Нет-нет, господин Тихомир! – воскликнула Стоцкая. – Догадываюсь, о чём вы подумали, но вы ошибаетесь! Я не собираюсь расспрашивать вас о секретах вашей семьи. Меня интересует консультация по совершенно постороннему вопросу.

Тихомир Колояров принадлежал к верхушке старой аристократической семьи и имел доступ ко всем семейным секретам, вот только шансы занять какую-то серьёзную позицию у него были минимальные. У его дяди, главы семьи, было три родных сына, и было бы наивным надеяться, что двоюродные братья уступят ему что-то, достойное упоминания. Нужно ли объяснять, что ему это, мягко говоря, не нравилось? Бармен из «Серебряной мыши» в своём ежедневном отчёте подробно описал, как Тихомир жаловался на такое положение дел своему милому дружку, при этом называя дядю не иначе как старым козлом, а кузенов – тупыми уродами. Словом, Тихомир Колояров был идеальным объектом для вербовки.

– Ну если насчёт постороннего вопроса, – глубокомысленно промычал тот, – то это, наверное, возможно.

– Очень хорошо, – обрадовалась Стоцкая. – Вы, как человек, понимающий глубинные политические течения, – (Колояров произвольно приосанился), – наверняка информированы о предстоящем голосовании в Совете Лучших по поводу последнего законопроекта о лицензионных исключениях. Вы не могли бы рассказать мне свои соображения по поводу текущего расклада?

Ирина быстро записывала за Тихомиром. Своим соображениям, у него, разумеется, взяться было неоткуда, но семейство Колояровых было традиционно хорошо информировано, ну а сведения по многочисленным союзникам семей-

ства и вовсе были совершенно точными.

– Благодарю вас, господин Тихомир, – наконец сказала Ирина, – вы очень мне помогли. Вот в этом конверте ваш гонорар за консультацию. Не отказывайтесь, – строго заметила она в ответ на робкую попытку отпихнуть конверт, – это стандартный гонорар эксперта, который мы платим за консультацию такого уровня. Надеюсь, вы не откажетесь время от времени консультировать нас по разным вопросам? Разумеется, на условиях строгой конфиденциальности, и конечно же, мы никогда не станем спрашивать у вас ничего, касающегося вашей семьи.

Заставлять Колоярова шпионить за своей семьёй Стоцкая и в самом деле не собиралась. О семействе Колояровых ей расскажет кто-нибудь другой, зато в случае, если Тихомира раскроют, семья Арди с полной ответственностью сможет заявить, что не занималась шпионажем, а просто нанимала его как консультанта. Повода для ссоры не будет, да и непутёвому племяннику это может сойти с рук.

– Ну, я думаю, это вполне возможно, – ответил Тихомир, неловко засовывая пухлый конверт во внутренний карман.

– Я рада знакомству с вами, господин Тихомир, – расцвела Ирина, – и надеюсь, что наша дружба надолго. А лучше навсегда.

Лично Ирина в этом нисколько не сомневалась.

Воздух ударил в лицо, дыхание перехватило, и я растерялся. Меня тут же беспорядочно закрутило, и от мелькания неба и земли подступила тошнота. Накатила паника, но уже через несколько мгновений я сумел взять себя в руки. Раскинул руки и ноги, как меня учили, и вскоре вращение замедлилось и прекратилось совсем. Земля и небо заняли свои места, и я разглядывал пейзаж внизу, осторожно дыша, чтобы не захлебнуться потоком воздуха. Земля быстро приближалась, и пора было начинать что-то делать.

Я построил конструкт, и от удара из меня слегка выбило дыхание. Ощущения было такое, как будто я влетел во что-то мягкое и слегка упругое, что-то вроде несильно надутого большого воздушного шара. Сразу вспомнилось, что Генрих советовал сильно не разгоняться. Ни в какие подробности он, по своему обыкновению, не вдавался, предпочитая, чтобы студенты набивали шишки сами. Невнимательный студент, прослушавший предупреждение, легко мог разогнаться слишком сильно, а потом потерять сознание от удара о конструкт, и в конечном итоге разбиться. Академиум со студентами определённо не нянчился.

Построить следующий конструкт оказалось неожиданно трудно. Структура собиралась неохотно и норовила рассыпаться, а когда я сумел, наконец, её собрать, она легко раз-

валилась, почти не погасив скорость.

Волной нахлынула паника, но я немедленно её подавил. Паника – это гарантированная смерть. Я закрыл глаза, чтобы не видеть быстро приближающейся земли, и попытался отстраниться от всех чувств. Паника и страх – это не со мной, это где-то там, за границами моего мира. Я один в этой Вселенной... нет, не так – я и есть Вселенная. Моё желание – закон, моя воля меняет мир.

Самовнушение сработало, паника ушла, оставшись лишь тенью страха на границе сознания. Я открыл глаза и начал формировать конструкт – решительно, без колебаний, не испытывая ни малейших сомнений в результате. К моему удивлению, конструкт сформировался легко, практически сам собой. Я немедленно подавил это чувство – не может быть никакого удивления от того, что всё произошло так, как должно было произойти.

Внизу расстилались жёлтые, уже убранные, поля в окружении жёлто-красных рощиц – похоже, я падал как раз на небольшую рощу. На инструктаже Генрих заметил нам: «Несколько лет назад одна идиотка упала в лес, при этом умудрилась напороться жопой на сук. Не повторяйте, пожалуйста, этот подвиг, я уже слишком стар, чтобы снова так смеяться». Стиль наставника трудно охарактеризовать иначе как спорный, но в доходчивости ему не откажешь. Я построил наклонный конструкт, и меня слегка отбросило в сторону, а конструкт развеялся, закрутившись туманными вихрями.

Ещё несколько конструкторов, и я оказался над сжатым полем, а скорость порядком упала. Земля была уже близко, и сейчас требовалась особая внимательность – с одной стороны, скорость должна быть достаточно низкой, чтобы ничего себе не повредить при встрече с землёй, но при этом нужно было использовать как можно меньше конструкторов. У нас пока не хватало сил, чтобы строить десятки конструкторов подряд, и выработаться досуха в двадцати саженьях над землёй стало бы последней глупостью, которую я сделал в своей жизни.

Приземлиться я сумел нормально, хоть и несколько жестковато, слегка отбив ноги и скривившись от резкой боли. Я посмотрел на трясущиеся руки и вздохнул. Коленки тоже дрожали – самовнушение самовнушением, а адреналин никуда не делся.

Только сейчас у меня появилась возможность задуматься над странностями. Почему конструкторы вдруг отказались строиться, причём именно в самый критический момент? На волнение здесь списать сложно – я особо и не волновался. У меня с самого начала не было никаких сомнений, что я смогу нормально приземлиться, и всё кончится хорошо. Чем дольше я об этом размышлял, тем больше склонялся к выводу, что здесь имела место другая, не психологическая причина. Я вспомнил свои ощущения в то время, когда пытался построить неудачный конструктор – мне казалось, что Сила мной недовольна и не желает подчиняться. Когда же я собрал волю в кулак, у меня было ощущение одобрения или чего-то

в этом роде.

Выглядело всё это так, как будто Сила была недовольна моим прогрессом и решила меня подстегнуть. Я и в самом деле в последнее время немного запустил развитие дара, слишком уж много сил и времени отнимали разные обязанности главы семейства. Похоже, что Силу такое положение дел не устраивало и она выбрала подходящий момент, чтобы мне это объяснить. Либо я развиваюсь в том направлении, которое её устраивает, либо лежу в чистом поле в виде кровавой кляксы – набор вариантов и в самом деле выглядит доходчиво. Раз уж пряники не помогли, то пришло время кнута... печально, зря я до этого дошёл. Ведь ясно же было с самого начала, что я сюда попал не случайно, и с меня за всё спросится.

Я покрутил головой, ориентируясь, и прижал пальцем мобилку:

– Лен, ты как?

– Я уже на месте. Представляешь, я прямо рядом с точкой сбора приземлилась. Жаль не сообразила чуть подправиться, чтобы Генриху на голову рухнуть.

– Думаю, многие бы хотели, но не думаю, чтобы у кого-то это получилось. Генрих нам пока не по зубам.

– Ну и ладно. Ты как прыгнул?

– Нормально, но упал далековато. Минут через двадцать доберусь.

– Хорошо, давай добирайся.

Я двинулся в точку сбора, немного морщась от боли в отбитых ногах. Неприятные ощущения постепенно уходили, но боль при ходьбе ещё чувствовалась. Чуть дальше я заметил на поле красное пятно, которое не могло быть чем-то иным, кроме как курткой Смеляны, и сердце у меня ёкнуло. Я прибавил ходу.

Смела лежала, раскинув руки и ноги, и глядя в небо на неряшливые осенние облака. На губах у неё играла лёгкая улыбка. Я присел рядом – она покосилась на меня, продолжая улыбаться.

– Как полёт? – спросил я, улыбнувшись ей.

– Потрясающе, – ответила она, по-прежнему глядя в небо. – Я бы ещё прыгнула.

Смела всё-таки сумела совладать со своей паникой и прыгнула сама, выталкивать её не пришлось. Что ни говори, а квалификация психологов, которые проводят собеседования в Академиуме, очень высока – все наши крестьяне оказались в первой группе совершенно заслуженно. Даже Иван при всех своих заскоках вызывает уважение своим упорством – ему достаётся, пожалуй, больше, чем всем нам вместе взятым, но он только сжимает крепче зубы и даже не думает сдаваться. Хватило бы мне упорства, будь я на его месте? Трудно сказать, но оказаться на его месте мне точно не хотелось бы.

– Я бы тебе не советовал сейчас ещё раз прыгать, – сказал я Смеляне. – Люди чаще всего и погибают в такие моменты,

когда эйфория, и кажется, что всё под контролем и ничего не грозит. В таком состоянии очень легко ошибиться. Лучше отложи до следующего раза, и там тоже не расслабляйся.

– Спасибо, Кеннер, – серьёзно ответила Смела, посмотрев на меня, – я запомню это. Вот скажи, Кеннер, как так получается, что у нас в Видогощи хозяин деревенской лавки больше кичится своим положением, чем ты? Точнее, ты вообще не кичишься. Меня это с самого начала всегда смущало. Я этого не понимаю.

– Хм, – озадачился я. – Ну не знаю. А с чего мне перед вами кичиться? Мы все тут просто студенты.

– Да-да, мы все тут просто студенты, – с иронией повторила Смела. – Расскажи это родовичам из второй группы. Там только с Анетой можно нормально общаться, остальные на нас смотрят как на отбросы.

Не знаю почему, но у меня и в самом деле никогда не возникало желания как-то выпячивать свой статус. Может быть, дело в комсомольской юности? С другой стороны, у нас там как раз верные ленинцы первыми в баре и подались.

– Не знаю, Смела, честно. Возможно, хозяину лавки это необходимо, чтобы заставить себя уважать, но у меня с этим проблемы нет. А во второй группе, если ты не заметила, все, кроме Анеты, из маленьких родов, и кроме Анеты, наследниц среди них нет. Они по статусу не так уж сильно отличаются от обычных ненаследных дворян, которыми вы скоро сможете стать. Скорее всего, они из-за этого и пытаются

подчеркнуть своё превосходство.

Я поднялся, протянул ей руку, помогая встать, и мы не торопясь двинулись по стерни в сторону сборного пункта.

– А кстати, раз уж ты про это упомянул – нам надо будет принимать дворянство? – спросила Смеляна. – Что ты можешь посоветовать? Или можно будет решить позже, когда станет ясно, сможем мы до наследного дворянства дорасти или нет?

– Нет, позже решить не получится, – покачал головой я. – Дворянство вам предложат только раз, и если вы откажетесь, то это будет окончательный отказ, навсегда. А насчёт советов... это сложный вопрос, в двух словах на него не ответишь. Понимаешь, ты смотришь на дворянство как на что-то, из чего ты должна получить какую-то выгоду. А если вдруг не получишь, то тогда надо от него отказаться. Это совершенно неправильная точка зрения, и ничего хорошего из такого торгашеского подхода не выйдет. Дворянство – это образ жизни, и особых выгод оно не предполагает. Вот к примеру, простолюдины часто считают, что дворяне могут творить что хотят, и что для них закон не писан. Но они не замечают, что Суд Чести может осудить дворянина даже тогда, когда он никаких законов не нарушил. Просто дворяне живут не столько по законам, сколько по правилам чести, частью по писанным, а частью по неписанным. А если посмотреть внимательно, то можно заметить, что ограничений у дворянина гораздо больше, чем у простолюдина. Так что не ищи

возможные выгоды, их, скорее всего, никаких не будет, особенно для ненаследного дворянина. Дворянство сознательно сделали бесприбыльным, чтобы не подпускать торгашей к управлению государством. Задумайся, готова ли ты без всякой выгоды для себя служить своей стране, вот тогда твоё решение будет верным.

– Что, вот прямо в самом деле всё так возвышенно? – недоверчиво спросила Смеляна.

– Ну, концепция именно такая, – усмехнулся я, – а вот люди, конечно, разные встречаются. Но лучше всё-таки ориентироваться на концепцию, потому что у искателей выгоды часто плохо получается с дворянством, и лишение дворянства случается не так уж редко. Если говорить без громких слов, то ты никакой прибыли от дворянства не получишь, скорее наоборот, а вот твои внуки и правнуки могут что-то получить. Так что если у тебя нет цели основать дворянское семейство, то можешь смело от дворянства отказываться.

Смеляна глубоко задумалась, и мы некоторое время шли в молчании.

– Мы с Дарой и Иваном съехаться хотим, – вдруг сказала она, видимо, на почве раздумий о будущем дворянском семействе.

– О, поздравляю, хорошее дело, – сказал я. – Вот ты тогда Ивану и объясни, что не все дворяне угнетают деревенских кузнецов, бывают и хорошие дворяне. Такие, как вы, например.

– Обязательно объясню, – хихикнула Смела.

– А вот скажи – у вас там серьёзно, или вы просто так, для развлечения?

– Серьёзно, – ответила та, слегка покраснев.

– А вы уже спите вместе?

Смела зарделась и бросила на меня возмущённый взгляд.

– Я не ради любопытства спрашиваю, – пояснил я. – Хочу дать хороший совет, но если вы уже спите вместе, то совет запоздал.

Смела немного посопела, но в конце концов сказала:

– Нет, не спим.

– Вот и не спите до женитьбы, а брак заключайте в храме Аспектов. Тогда вы сможете получить благословение Силы.

– А какая разница спали мы или не спали?

– Если спали, то Сила посчитает, что брак уже заключён, и вас проигнорирует. В этом случае вам нет никакого смысла идти в храм Аспектов, тогда вам только княжеский брак, без всяких благословений.

– И как она поймёт, если, допустим, мы уже спали? – недоумённо спросила Смела.

– Ты что, ещё не поняла, как происходит общение с Силой? – с удивлением посмотрел я на неё. – Она, естественно, не станет разбираться, девочка ты или уже нет. Вы сами всё ей скажете. Вы же сами будете знать, что брак у вас по факту уже заключён и брачные отношения начались, а раз обращение к Силе будет неискренним, то она никаких благосло-

вений вам и не даст. Ну а свидетели соответственно зафиксируют в протоколе, что Сила вам отказала. Силу обмануть невозможно, потому что себя не обманешь.

Смеяна снова надолго задумалась, и мы опять замолчали.

– А что даёт благословение Силы? – наконец спросила она.

– Мне-то откуда знать, что она вам даст? – хмыкнул я. – Как минимум, основа подрастёт, но может, что-то более ценное получите. Мы с Леной получили сродство с Силой.

– А что даёт это сродство?

– Я сам многого не знаю, Высшие не сильно-то любят объяснять. Но мы легко переносим высокую концентрацию Силы, и в целом наш путь в Высшие будет гораздо короче. Ну, при условии, что мы вообще дойдём, конечно.

Смеяна опять задумалась, а потом неожиданно спросила:

– Кеннер, а почему ты нам вообще помогаешь?

– Я так понимаю, бескорыстное желание помочь тебя в качестве мотива не устраивает? – хмыкнул я. – Ну тогда считай, что мне выгодно, чтобы мои будущие служащие лучше развивались.

– Я тогда Даринке скажу, чтобы не вздумала Ване дать, – захихикала Смела. – Ему полезно помучиться, пусть волю воспитывает.

– Только ты не говори, пожалуйста, что это я посовето-

вал, – торопливо сказал я, внезапно осознав, какую грандиозную свинью я только что подложил бедному Ване.

Глава 4

Мне передали через секретаря, что Драгана Ивлич просит меня посетить её завтра в два часа пополудни. Разумеется, слово «просит» было употреблено только из вежливости – глава Круга Силы вполне могла бы и приказать. Наряду с князем, она была одной из тех немногих людей в княжестве, для которых моё положение главы аристократического дома не означало ничего особенного – для неё я был всего лишь интересным молодым человеком. Сказать по правде, идти к ней совершенно не хотелось, хотя никаких неприятностей я от неё и не ждал. Но отказаться было невозможно, и без пяти минут два я был в её приёмной.

– Здравствуйте, здравствуйте, Кеннер, – приветливо поздоровалась Драгана. Она не поленилась выйти из-за стола, чтобы встретить меня, показывая таким образом, что предполагается неформальная беседа. Это сразу навело меня на мысль, что нужно быть особенно внимательным, и тщательно следить за тем, что говоришь.

– Здравствуйте, сиятельная Драгана, – поклонился я. – Для меня честь получить ваше приглашение.

– Ах, оставьте эти формальности, – засмеялась та, – я всего лишь хочу немного поболтать. Давайте присядем. Удовлетворите моё любопытство, поведайте о вашей поездке. Тирина рассказала совершенно невероятную историю, и я, при-

знать, даже сомневаюсь в её правдивости.

Да-да, конечно, сомневаешься ты. По всей видимости, это будет допрос для выяснения, не утаил ли я что-нибудь от Алины. Либо для проверки, всё ли доложила Алина. А скорее всего, для того и другого.

– Ну не томите старую женщину, юноша, – поощрительно улыбнулась мне Драгана, – рассказывайте же. Что там произошло, в этой пещере?

Надо заметить, для старой женщины Драгана Ивлич выглядела просто отлично – я бы не дал ей больше тридцати. Да и вообще – глядя на неё, трудно было поверить, что эту рыжую красотку могут заинтересовать какие-то темы помимо модных тенденций текущего сезона. Однако я точно знал, что главой Круга она является уже лет пятьдесят минимум, так что ей вряд ли меньше ста. Скорее всего, это монстр ещё поопасней князя, и наша беседа меня в этом полностью убедила – Драгана ахала, делала большие глаза, восхищалась моей смелостью, а попутно буквально вывернула меня наизнанку, вытащив такие подробности, которые я сам бы уже и не вспомнил. Впрочем, у меня не было ни малейшего желания что-то утаивать, скорее наоборот – слишком уж опасна тема этой пещеры, и мне ни в коем случае не хотелось бы создать впечатление, будто я придержал какие-то сведения.

– Потрясающая история, – наконец сказала Драгана. – Представляю, какие глаза делают девушки, когда вы её рассказываете.

– Да я уже и забыл это всё, сиятельная, – небрежно махнул я рукой. – Если бы вы меня не стали расспрашивать, то я бы эту историю и не вспомнил. Думаю, я очень быстро снова её забуду. К тому же мне припоминается некое обязательство молчания, которое я имел неосторожность подписать. Оно тоже не способствует долгой памяти.

– Действительно, забывчивость временами благо, – улыбнулась Драгана, как-то незаметно сбрасывая образ восторженной дурочки. – Ну что же, должна сказать, что вы себя прекрасно проявили в этом деле. Экспедиция оказалась просто невероятно успешной, и это, вне всякого сомнения, исключительно ваша заслуга. Круг у вас в долгу, но признаюсь откровенно, я не знаю, как вас наградить. Будь вы обычным студентом из мещан, бесплатное образование было бы достойной наградой, но для вас, я думаю, это несущественные расходы. Так какую награду вы хотели бы получить? Не стесняйтесь, я постараюсь удовлетворить любое разумное желание.

Мне тут же вспомнилось наставление Воланда⁹ – совершенно жизненное, как мне кажется. И взгляд Драганы при этом мне совсем не понравился – очень внимательный и оценивающий. Какое-то шестое чувство подсказывало мне, что просить что-то будет не самой лучшей идеей.

⁹ Кеннер имеет в виду фразу, которую Воланд сказал Маргарите: «Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут!»

– Не думаю, что моя заслуга настолько значительна, чтобы претендовать на какую-то особую награду, сиятельная, – ответил я, глядя ей прямо в глаза. – Меня вполне устроило то, что Круг не стал претендовать на подаренный мне сатурат.

– Что ж, скромно! – сказала Драгана, разрывая зрительный контакт и снова превращаясь в дружелюбную собеседницу. – Но безусловно похвально! Кстати, раз уж мы с вами встретились... скажите, Кеннер, как вы относитесь к своей бабушке?

Полагаю, она имеет в виду вовсе не мать Бориса Ярина, о которой я совершенно ничего не знаю – кроме того, что она, вероятно, существует.

– Мы с ней никак друг к другу не относимся, сиятельная, – ответил я. – Мы существуем как бы в разных измерениях.

– И вы никогда не думали помириться?

– А я с ней и не ссорился.

– Хорошо, сформулирую по-другому, – улыбнулась Драгана. – Вы не хотели бы наладить с ней отношения?

Интересно, к чему этот разговор? Не совсем понятно, с чего бы вдруг такой интерес, а главное – чего она хочет? Она хочет, чтобы я наладил с Ольгой отношения или наоборот, чтобы не налаживал? Надо бы ответить как-то нейтрально.

– Я не имею ничего против Ольги Ренской, – осторожно начал я, – и в принципе, я всегда предпочитаю дружить, нежели враждовать. Но в этом вопросе есть один важный фактор: моя мать. Готова ли она восстановить отношения со

своей матерью? Я думаю, вы сами понимаете, что я не могу игнорировать её позицию. При этом для меня совсем не очевидно, что сама Ренская заинтересована в налаживании с нами отношений. Поэтому боюсь, что я не в состоянии дать вам какой-то определённый ответ, сиятельная.

– Понимаю, понимаю, – сочувственно покивала Драгана, – с родственниками всегда всё очень сложно. Ну что же, не буду отнимать ваше драгоценное время, Кеннер. Спасибо, что заглянули развлечь меня своим рассказом. Не стесняйтесь заходить ко мне при случае, буду всегда рада вас видеть.

Да-да, обязательно буду забегать поболтать между делом. Немного посплетничать, чайку попить. Развеять скуку, в общем.

– Благодарю вас за беседу, сиятельная Драгана, – сказал я, вставая и кланяясь. – Позвольте на этом покинуть вас.

* * *

Завод «Милик» Кира не любила. Он был постоянным напоминанием о её позорном фиаско, когда она повелась на возможность заработать много, быстро и без усилий – тот безотказный крючок, на который испокон веков ловят жадных дурачков. Вот и Кира на него клюнула, и было бы полбеды, если бы она клюнула сама, но она ещё и втащила всю семью в ненужную и опасную войну. Да, семья победила и вышла из этой истории с неплохой прибылью, но Кира пре-

красно понимала, что в этом никакой её заслуги не было – её ошибку исправил господин. И оттого что он не упрекнул её ни словом, было ещё тяжелее – когда тебя ругают, как-то сами собой придумываются оправдания, а вот так оправдаться никак не выходило.

Кира предпочла бы вообще забыть о «Милике», но хотя положение с ним понемногу выправлялось, завод по-прежнему оставался проблемным активом. Так что бывать здесь приходилось часто, и настроения от этого совсем не прибавлялось. Вот и сейчас она шла по коридору заводоуправления в совершенно отвратительном расположении духа, когда из-за двери, мимо которой она проходила, донеслись какие-то крики. Кира поморщилась, но всё же остановилась и прислушалась. На двери красовалась табличка «Отдел снабжения». Она поколебалась, но затем всё же толкнула дверь и решительно вошла.

Спорили двое. Одного из них – вальяжного мужчину с заметным животом в деловом костюме, – Кира регулярно видела на совещаниях, хотя общаться непосредственно с ним ей ещё не доводилось. Второй был с виду типичным ботаником, а его свободный стиль одежды был довольно характерен для цеховой публики. Кира никогда не встречала его раньше.

За бесплатным представлением с интересом наблюдал весь персонал отдела. Некоторое время спорщики продолжали орать друг на друга, не замечая, что зрителей у них добавилось. В конце концов они обратили внимание на то, что

атмосфера неуловимо изменилось; спор как-то сам собой затих и дискуссионты уставились на Киру.

– Что здесь происходит? – потребовала объяснений Кира.

– Простите, госпожа, – робко проблеял тот, что в костюме. – Всего лишь мелкое недопонимание. Обычный рабочий вопрос. Этого больше не повторится.

– Вы начальник отдела снабжения, правильно? – Кира пристально посмотрела на него.

– Именно так, госпожа, – слегка заикаясь, подтвердил тот. – Павел Пекшин, к вашим услугам, госпожа.

Кира посмотрела на второго участника дискуссии.

– А кто вы?

– Кирилл Евдокимов, госпожа, – представился тот, – старший технолог механического цеха.

– Теперь объясните мне суть вашего спора.

– Госпожа, это мелкий рабочий момент, – немедленно вклинился Пекшин, – и мы его уже решили.

Кира посмотрела на него ледяным взглядом, и тот немедленно увял.

– Помолчите, уважаемый, я спрашивала не вас. И так?

– Это не мелкий вопрос, госпожа, – заговорил Евдокимов. – Отдел снабжения заказал заготовки у нашего поставщика, но указал неправильную марку стали. Их технолог давно с нами работает; он удивился и обратился в наш отдел снабжения, но уважаемый Павел подтвердил заказ. Мы с тем технологом, к счастью, хорошо знакомы, поэтому он всё-та-

ки не стал пускать заказ в работу, а решил сначала спросить меня.

– Какие последствия могут быть из-за выбора неправильной стали?

– Мы используем сталь 23, которая хорошо держит закалку и устойчива к истиранию. Отдел снабжения указал в заказе сталь 28Б, которая плохо закаливается и обладает повышенной вязкостью.

– Объясните понятнее последствия такой замены.

– Основным следствием будет то, что готовые узлы будут служить недолго, – объяснил Евдокимов. – Они вряд ли будут выработывать даже гарантийный срок.

Кира хмуро посмотрела на Пекшина. Тот обильно потел и явственно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Объяснитесь, уважаемый.

– Это всего лишь досадная ошибка, госпожа, – зачастил тот. – Мы немедленно её исправим. Виновный будет наказан.

– Разумеется, виновный будет наказан, – кивнула Кира, и Пекшин побледнел.

Кира обернулась к сопровождающим:

– Коста, Давид, – приказала она, – эти двое сейчас напишут подробные объяснения, проследите за этим. Разберитесь со всеми бумагами, я хочу получить полный отчёт по этому делу как можно скорее. Сообщите начальнику охраны, что работникам заводоуправления впредь до особого распоряжения запрещено покидать рабочие места. Выясните фа-

милиии всех, кто мог быть причастен, их допросит служба безопасности. Соответствующее распоряжение Кельмину я отдам немедленно.

* * *

Вадим Малобуд предателем себя не считал. Собственно, в этом не было ничего удивительного – ни один предатель себя предателем не считает. Кем он себя видит, зависит исключительно от спонсора – если ему платят иностранцы, то он сражается с тиранией, и непременно за свободу народную, а тот, кто попроще и получает деньги от местных, просто борется с несправедливостью – несправедливостью по отношению к нему, любимому, разумеется. Вот и писец отдела снабжения Малобуд, которого уже второй раз обошли повышением до старшего писца, всего лишь компенсировал недоплаченное ему жалованье пустяковыми услугами хорошим людям. Деньги ему платили, в общем-то, небольшие, но и просили взамен совсем немного – так, разные мелочи.

Всё было замечательно до сегодняшнего дня. Сначала появился этот придурок из механического и устроил скандал. Ничем серьёзным это не должно было обернуться, но у Вадима возникло стойкое ощущение, что он стоит на краю. В животе возникло сосущее предчувствие неприятностей, и оно не обмануло. Неприятности – и серьёзные неприятности, – ждать себя не заставили. Крики привлекли внимание

той самой жуткой девицы, которая представляла новых владельцев. По слухам, которые шёпотом передавали друг другу конторские, она была подобрана буквально с улицы – в пользу этой версии говорила её бесцеремонность, невоспитанность и отсутствие малейшего уважения к заслуженным руководителям завода, привыкшим совсем к другому отношению.

Все дружно сходились во мнении, что её бурная деятельность лишь мешает хорошо организованному процессу работы. В конце концов руководство завода даже создало авторитетную делегацию, которая обратилась к Эмилиии Багеровой с просьбой посодействовать удалению девицы с завода. Однако Багерова лишь развела руками и посоветовала найти общий язык с людьми Арди. Девица так и продолжала терроризировать персонал, безошибочно вытаскивая на свет мельчайшие провинности и безжалостно за них наказывая. Однако высказывать ей недовольство никто не рисковал – плотно оккупировавшие завод охранники с глазами убийц вызывали у нежного конторского народа ужас. Недовольному скорее всего первым делом переломали бы руки и ноги, и только потом осведомились о причинах недовольства.

Последовавшие затем распоряжения девицы вогнали Вадима в панику. Буквально через час должны были начаться допросы с эмпатом, и его дальнейшая судьба виделась ему кристально ясно. Семейство Арди совсем не славилось гуманизмом, и истории, которые временами рассказывал в своём

кругу конторский люд, больше походили на страшные сказки. Понятно, что рассказчики привирали как могли, но ведь и дыма без огня не бывает. Показывать беспокойство было, однако, смертельно опасно, и Вадим героическим усилием воли постарался взять себя в руки. У него получилось успокоиться, и ему удалось ничем не выдать волнения. Дождавшись, когда девица уйдёт, он не торопясь пошёл к двери.

– Ты куда это направился? – тут же отреагировал один из пришлых, сверля Вадима недружелюбным взглядом.

– В туалет, – пискнул он, опять впадая в панику.

– Чтобы через пять минут вернулся, – после некоторой паузы всё же разрешил тот.

Вадим выскочил в пустой коридор. Снова собрав волю в кулак, он несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, пытаюсь успокоиться. Ни в какой туалет он, конечно, не пошёл, а двинулся к выходу. Но не к главному входу заводоуправления, который, вне всякого сомнения, уже был наглухо перекрыт. Вместо этого, он вышел на территорию завода и спокойным деловым шагом направился к боковой калитке. Там тоже стояли охранники, но были неплохие шансы, что до них ещё не успели довести последние приказы. Так и вышло – охранники, привыкшие, что конторские часто бегают через эту калитку в соседнюю лавочку за чайными припасами, лишь проводили Вадима профессионально подозрительными взглядами, но останавливать не стали.

Он смог расслабиться, только когда отошёл от завода до-

статочно далеко. Накатила слабость, колени задрожали, ноги начали подкашиваться, и Вадиму пришлось срочно присесть на ближайшую скамейку. Сидя на лавочке, он постепенно отошёл от напряжения, и первоначальное облегчение начало сменяться мрачными раздумьями. Куда идти? К этому времени его побег уже должны были обнаружить и поднять тревогу. Возвращаться домой было нельзя – там его будут ждать в первую очередь. Вокзалы, скорее всего, будут перекрыты, и вполне вероятно, машины на выездах из города тоже будут проверяться. Вадим не обманывался насчёт возможностей аристократического семейства – организовать полноценную облаву было вполне в их силах, и стража ни в коем случае не станет им препятствовать. Совсем наоборот, стражники охотно включатся в облаву, рассчитывая на вознаграждение. Долго прятаться у него вряд ли получится. Оставался единственный вариант – просить о помощи хороших людей. Вадим вздохнул и нехотя потащился к телефонной будке.

– Алё, это Вадим... Малобуд.

– А, Вадим! Здравствуй, дорогой, – обрадовались на другом конце провода. – Хочешь рассказать что-то интересное?

– У меня проблема. – сбивчиво заговорил Вадим. – То дело со сталью в заказе вылезло наружу, и сейчас всех наших допрашивают с эмпатом. Я смог уйти, но меня уже наверняка ищут.

– Не волнуйся, Вадим, всё будет нормально. Мы тебя не

бросим, – успокоил его собеседник. – Сейчас пришлём машину тебя подобрать. Где ты?

Вадим сидел на лавочке как на иголках, напряжённо наблюдая за редкими прохожими. Когда из-за угла вывернул патруль стражи, Вадим едва не потерял сознание от ужаса. Но пара стражников прошла мимо, бросив на него мимолётный взгляд. «Идиот, – обругал себя Вадим, массируя бешено колотящееся сердце, – чего ты дёргаешься? Ясно же, что они никак не успели бы оповестить стражу».

Машина подъехала уже через двадцать минут.

– Садись назад, – кивнул ему хмурый водитель с бандитской рожей.

– Куда мы сейчас? – робко спросил Вадим, залезая в машину.

Ему ответил второй, сидевший рядом с водителем. Он был настроен куда доброжелательней, да и физиономия его не наводила на мысли о грабеже в подворотне.

– Арди сейчас начинают перекрывать дороги, но у нас есть один выезд, про который они точно не знают. Вывезем тебя на лесную заимку, поживёшь там недельку, пока всё не утихнет. Как только Арди снимут заставы, отправим тебя во Владимир. Там наши люди помогут тебе сменить имя и устроиться.

Вадим, наконец, смог успокоиться. Будущее перестало выглядеть таким беспросветным, и напряжение начало понемногу отпускать. Машина долго петляла по каким-то гряз-

ным промышленным окраинам, избегая больших магистралей. Наконец строения как-то внезапно закончились, и асфальтовая дорога сменилась разбитым просёлком. Город остался позади. Ещё полчаса езды по тряской полевой дороге, и они доехали до края недалёкого леса.

– Теперь пешком, – сказал дружелюбный напарник водителя. – Стёпа, впереди иди, ты лучше дорогу знаешь. Давай, Вадим, двигай за Степаном, я замыкаю.

Ходили здесь мало – тропинка едва угадывалась. Однако Степан шёл уверенно и быстро, и вскоре непривычный к физическим нагрузкам Вадим порядком запыхался. Минут через двадцать они, наконец, вышли на небольшую полянку, посреди которой находилась недавно вырытая яма, подозрительно похожая на могилу. Вадим открыл было рот, но спросить ничего не успел. Сзади раздалось жизнерадостное: «Ну вот и пришли!», а дальше сознание отключилось. Выстрела он не услышал.

Глава 5

Леший в конце концов зарвался. Вообще-то я и предполагал, что рано или поздно это случится, очень уж он был недоволен необходимостью подчиняться там, где всегда был хозяином. Оказалось, что ландшафтные дизайнеры никак не могли начать работать над планировкой леса, потому что у топографов не получалось провести съёмку. Они бродили весь день со своими теодолитами, а в результате размер леса получался каждый раз другой – когда сто сажен, а когда и пять вёрст. Да и на плане у них отображалась какая-то чепуха – то горы, то впадины ниже уровня моря. При этом время поджимало – топографическая съёмка леса дело непростое, и более или менее точно её можно выполнить только осенью или весной, когда нет листвы. Ещё немного, и лес засыплет снегом, и все сроки сдвинутся на полгода. Наконец, окончательно взбешённая Зайка пожаловалась мне, и стало ясно, что кое-кто не понимает хорошего отношения.

Сразу разбираться с лешим я не кинулся. Ещё с прошлой жизни я на своём печальном опыте твёрдо уяснил себе, что нельзя принимать решений, если ощущаешь хоть какие-то эмоции. И что особенно важно, нельзя устраивать разбор подчинённому под горячую руку – легко можно превратить человека во врага и саботажника из-за какой-нибудь, в сущности, ерунды.

И вот через три дня я устроился в одной из только что сооружённых беседок и слился со святилищем. Это оказалось гораздо легче, чем в первый раз – святилище охотно откликнулось, головокружение ушло через пару секунд, и я вновь ощутил всё поместье целиком. Ингвар опять находился в состоянии туманной дымки, растёкшись по всему лесу и купаясь в волнах силы. Моей силы! Я опять ощутил злость, но заставил себя успокоиться и вернуться в безэмоциональное состояние. Лёгким усилием воли я собрал лешего в компактный комок и вытащил его из леса к себе в беседку.

– Прими форму, – приказал я висящему передо мной плотному комку тумана.

Комок пульсировал, пытаюсь разорвать мою хватку и освободиться, но в зоне святилища я без малейшего напряжения мог бы держать сотню таких как он. После нескольких безуспешных попыток леший смирился и принял привычную мне форму человека в строгом костюме.

– Ты знаешь, Ингвар, – начал я, холодно его разглядывая, – среди людей частенько встречаются такие, кто хорошее отношение и желание найти компромисс принимают за слабость, и начинают давить и нагибать. Нужно ли говорить, что дело закономерно кончается плохо? Для них плохо. Мне казалось, что такое поведение свойственно только не очень умным людям, а дух, который стар настолько, что помнит Цезаря, должен лучше понимать, как надо себя вести в такой ситуации.

Дух молчал, мрачно на меня глядя.

– Ты меня разочаровал, Ингвар, – продолжал я. – На этом наши отношения заканчиваются. Я без труда найду другого духа, который будет следить за моим лесом, и который при этом не будет доставлять мне проблем.

– Я тебе нужен, – наконец сказал леший.

– Зачем? – удивился я.

– Ты не найдёшь другого такого старого и сильного духа.

– А зачем мне старый и сильный дух? – хмыкнул я. – Я найду молодого и дам ему столько силы, сколько он сможет принять. Через год-два он вырастет достаточно, чтобы следить за лесом. Больше мне от него ничего не надо, а пару лет я вполне могу подождать. Ты мне не нужен, Ингвар.

– Постой, не спеши изгонять, – торопливо заговорил дух. – Я признаю, что неправильно тебя оценил.

Я усмехнулся. В общем-то, это хорошо известный факт, что духи не испытывают никакой благодарности и вообще никаких чувств, хотя могут неплохо их имитировать. Они недоговороспособны – с ними можно о чём-то договариваться только при наличии достаточно толстой палки, которую регулярно надо пускать в ход. Но я всё же надеялся, что такой старый и развитый дух не будет настолько примитивным. Ошибся.

– И что же ты можешь мне предложить? – скептически спросил я. – Только не забывай, что твой кредит хорошего отношения исчерпан полностью, и договариваться с тобой я

больше не собираюсь.

– Я готов подчиняться, – угрюмо сказал леший.

– Это и так ясно, – пожал я плечами, – иного я и не потерплю. Я спросил, что ты можешь предложить.

Леший помрачнел ещё больше.

– Я буду помогать, – неохотно выдавил из себя он.

– Это уже лучше, – кивнул я, – но я хочу большего. Ещё я хочу, чтобы ты отвечал на мои вопросы.

– Я не на все вопросы могу отвечать, – сказал он, глядя на меня с испугом.

Ну надо же, как его пробрало! Он так не пугался даже когда я собрался его изгнать.

– Я не буду требовать у тебя ответов, которые могут тебе повредить. Но ты будешь отвечать на вопросы, на которые можешь ответить.

– Как скажешь, – с явным нежеланием согласился леший.

– Хорошо, Ингвар, – кивнул я, – я дам тебе ещё один шанс. Главное, не забывай, что этот шанс у тебя последний. И раз уж мы договорились насчёт вопросов и ответов – расскажи мне о Госпоже.

– Что ты хочешь знать о Летящей?

– О ком? – удивился я.

– У неё много имён. Светлая Госпожа, Озаряющая, Госпожа Рассвета, Летящая в Ночь. Что ты хочешь о ней узнать?

– Что она из себя представляет?

– Что из себя представляет? – Ингвар задумался. – Чаше

всего её метафорически рисуют в образе драконицы цвета зари, которая бесконечно летит во тьму, рассеивая её своим светом.

– О как! – поразился я. – Вот прямо драконица?

– Слово «метафорически» тебе знакомо? – снисходительно посмотрел на меня леший. – Так её представляют люди, вам же непременно надо выдумать что-то поэтическое. А ещё лучше что-нибудь антропоморфное. Для нас это просто энергия, пронизывающая всё и формирующая нас, духов.

– Как Сила?

– Нет, совсем не как Сила, – покачал головой тот. – Сила для нас ощущается как что-то чуждое, мы от неё можем что-то получать, только когда она проходит через людей. Вот как сила этого источника, который вы на себя настроили.

– А почему она вообще называется Светлой Госпожой?

– Потому что Госпожа принесла в мир свет¹⁰.

– Ну и почему ты так не хотел об этой энергии говорить? – непонимающе спросил я.

– Потому что Госпожа всё слышит, и она не любит, когда о ней болтают попусту. И если для тебя её недовольство ничем не грозит, то я могу просто исчезнуть. Поэтому этот разговор о Госпоже мы заканчиваем. Может быть, когда-нибудь

¹⁰ Согласно современным представлениям о Большом Взрыве, ранняя Вселенная действительно состояла целиком из излучения – в ней присутствовали исключительно фотоны высоких энергий. Это выглядит удивительно созвучно с Библией, но наша Вселенная и в самом деле родилась из чудовищной вспышки света.

ПОТОМ.

Интересно – а не связан ли и я подобным образом, но только с Силой? Когда я падал с дирижабля, Сила всего лишь намекнула мне о своём недовольстве, а что будет, если она полностью во мне разочаруется? Может быть, я тоже – просто исчезну? Неприятные вопросы, и я подозреваю, в ответах на них тоже ничего приятного не будет.

– Хорошо, о Госпоже не будем, – покладисто согласился я. – Вот ещё интересно: ты сказал, что, мол, люди все образы под себя выдумывают, но ты-то сам антропоморфный.

Леший засмеялся.

– Здорово ты всё перекрутил. Ты вообще знаешь, что вера материальна?

– Я слышал о такой концепции, – осторожно ответил я, – но всегда считал, что это как раз и есть поэтическое преувеличение.

– Нет, не совсем преувеличение. Вера миллионов людей может воздействовать на реальность. Люди верят, что леший выглядит чем-то вроде ходячего пенька, и лесные духи вынуждены принимать эту форму. Когда мы набираем больше энергии, мы можем больше походить на людей. Я уже могу выглядеть как обычный человек, но даже я не могу принять, например, форму женщины. Может быть, когда-нибудь Госпожа возвысит меня, и я получу свободу от вашей формы, но пока что это всё, что я могу. Так что именно вы, люди, делаете духов такими.

– И чем мы, люди, так уникальны, что наша вера имеет значение?

– Потому что Госпожа не может повлиять на вас прямо. Она может воздействовать на вас только через посредников. А вы можете воздействовать и на неё – ну, в очень небольшой степени, конечно. – Леший помрачнел. – И снова мы говорим о ней. Всё, разговор закончен.

С этими словами леший исчез, и я увидел, как он струёй тумана втянулся в лес и снова расплылся там тончайшей дымкой.

* * *

Сегодня Зайка устроила внеочередное совещание на заводе «Милик» – она собрала нас с Ленкой, всех слуг семьи и управляющего заводом Тимофея Немера. Мне она заявила, что ситуация на заводе сложилась критическая, и мне необходимо присутствовать, поскольку нужно решить вопросы, для решения которых её полномочий недостаточно. Я порядком удивился, поскольку полномочия Зайки были весьма велики, но всё же рассудил, что раз присутствие всех значимых людей семейства необходимо, то надо присутствовать. Зайка была серьёзна и сосредоточена.

– Господин, в последнее время на заводе произошла целая серия диверсий, и каждая последующая из них опаснее предыдущей.

– Что-то новое, и хуже того трюка с силовым наполнителем? – удивился я.

– Да, в заявке поставщику один из писцов отдела снабжения слегка подправил марку стали. Машинистка перепечатала исправленную заявку, а начальник отдела снабжения подписал её не глядя. Диверсия не сработала только благодаря счастливой случайности – технолог поставщика удивился изменениям в заказе, который не менялся много лет и был достаточно упорен, чтобы обратить наше внимание на это. Рукописные оригиналы заявок ещё не успели сдать в макулатуру, так что мы смогли восстановить всю схему диверсии.

– И чем это нам грозило?

– Примерно через полгода самобегии начали бы массово выходить из строя. Вышатики сразу бы определили причину, и на этом наше сотрудничество с ними, скорее всего, закончилось бы. К тому же нам пришлось бы компенсировать все расходы на отзыв и замену узлов.

– Однако! – поразился я. – Действительно серьёзно замахнулись. Достаточно серьёзно, чтобы оторвать головы всем причастным. Что показало расследование?

– Мы пришли к выводу, что непосредственным исполнителем диверсии был писец отдела снабжения Вадим Малобуд, – ответила Зайка. – Он сумел сбежать через боковую калитку раньше, чем до охранников там дошёл приказ никого не выпускать. После этого он пропал, но мы продолжаем поиски.

– Можете их прекращать, – хмыкнул я. – Он не настолько ценен, чтобы кто-то стал его прятать. Так что думаю, он уже лежит в каком-нибудь болоте. Что-нибудь ещё?

– Ещё надо решить вопрос с начальником отдела снабжения Павлом Пекшиным. Он один из людей Эмилиии Багеровой, и решение вопроса с ним выходит за пределы моей компетенции.

– Какие к нему претензии?

– Не проверил заявку. Это в принципе ещё можно простить, но когда ему позвонил поставщик с вопросом по этому поводу, он ответил, цитата: «Не приставайте ко мне с ерундой, у вас есть заявка, вот и выполняйте».

– А он точно непричастен?

– Люди Кельмина его как следует допросили и уверяют, что нет.

– Что ты по нему можешь сказать вообще?

Зайка поморщилась. Уважаемый Павел явно не был предметом её вздохов.

– Ничего хорошего. Один из той группы, которая предположительно занималась расхищением имущества завода. Непосредственно перед приходом нашего семейства на завод он открыл несколько крупных анонимных счетов на себя и на жену.

Я не выдержал и засмеялся:

– Меня поражает наивность людей. Они показывают банкирам свои документы при открытии счёта и при этом ис-

кренне верят, что их счёт будет и в самом деле анонимным. Там же в условиях договора прямо сказано, хоть и очень мелким шрифтом: «Анонимность вклада гарантируется в пределах сословных границ». Любой дворянин может запросить справку о счетах простолюдина. А князь соответственно знает всё о дворянских счетах.

Я обратил внимание на управляющего. Тот побледнел и глаза у него забегали.

– Да-да, почтенный Тимофей, – с издевательской улыбкой сказал я ему. – О ваших вкладах нам тоже известно. И даже о тех двух анонимных вкладах во Владимире и Твери. Вы могли бы сэкономить время и силы и открыть их здесь. Ехать так далеко ради этого не имело ни малейшего смысла. Все княжества обмениваются данными, так что по нашему запросу нам прислали полные справки. Вы знаете, почтенный, я ведь уже не раз советовал госпоже Эмилиии вас повесить, но она меня не слушает. Она вам верит, можете себе представить? Поистине святая женщина, я бы так не смог.

Присутствующие заулыбались, а почтенный Тимофей спал с лица.

– Ну ладно, это ваши дела с Багеровыми, меня они не касаются. Главное, со мной не пытайтесь что-то такое проверить. Работайте честно, и будете жить долго и счастливо, если, конечно, госпожа Эмилия всё-таки не согласится вас повесить.

Веселились все, кроме управляющего. Тот уже посерел и

выглядел так, словно его вот-вот хватит удар.

– Посмеялись и будет, – сказал я. – Вернёмся к нашим делам. Этого Пекшина гнать в шею, а Багеровой послать мотивировку решения. Но с ним-то разобраться несложно, а вот с диверсиями надо что-то решать. Это становится уже слишком серьёзным. Предложения есть?

– Мы с госпожой Кирой подготовили доклад, – сказал Антон Кельмин. – Вкратце, мы предлагаем ввести такие же порядки, как на «Мегафоне» – установление зон доступа и введение персональных карточек доступа, запрет на перемещение за пределы разрешённой зоны, там в докладе подробный перечень мер.

– Вариант мне не нравится, – признался я, немного обдумав предложение. – «Мегафон» всё-таки военный завод, а вводить такие порядки на гражданском предприятии... да и недёшево это встанет. Но раз уж дело зашло настолько далеко, то похоже, ничего больше нам не остаётся. Шутки кончились. Если мы оставим всё как есть, рано или поздно очередная попытка будет успешной. Ещё что-нибудь?

– Ну, в общем-то, в этом и состоят все наши предложения, – ответила Зайка. – Усилить безопасность.

– Тогда я предложу ещё кое-что, – сказал я. – Все документы должны идти с сопроводительным листом. Когда делопроизводитель принимает документ в работу, он ставит время и подпись. Исправления не допускаются, любое исправление должно заверяться начальником отдела. В каж-

дом кабинете назначить ответственного, который первым приходит и последним уходит. Ключей у сотрудников быть не должно, запирать и отпирать кабинеты будет охрана.

– Конторские взвоят, – уверенно предсказала Зайка.

– Пока не разберёмся с этими диверсиями, придётся делать так. Мы не можем позволить любому писцу убить завод одним крохотным исправлением. И вам, почтенный Тимофей, следует довести до своих подчинённых, что они должны смотреть, что подписывают. Пекшин отделался увольнением, но на этом мои запасы гуманизма исчерпались. Следующий провинившийся так легко не отделается, и вы будете наказаны вместе с ним. Вам ясна ваша задача?

– Да, господин, – голос почтенного дал петуха.

– В таком случае вы можете идти. Дальше мы будем обсуждать семейные дела, которые вам неинтересны.

Почтенный Тимофей Немер торопливо и с явным облегчением отбыл. Я дождался, пока за ним не закроется дверь и продолжил:

– Все эти меры – это пассивная защита, а обороной, как известно, битвы не выигрывают. Нам нужно как можно скорее выяснить, кто наш противник. У кого есть соображения по этому поводу?

– Если позволите, господин, я отвечу, – Ирина Стоцкая раскрыла свою неизменную папку. – Мы долго прикидывали возможные кандидатуры и пришли к выводу, что участие Лесиных маловероятно.

– Верно, – согласился я. – У них хватает своих проблем. Нападая на нас, они ничего не выигрывают, зато рискуют многим.

– Не совсем ясен вариант с Родиными.

– Я думаю, их тоже можно исключить, – покачал головой я. – Со слов Беримира Хомского, фамилия была недовольна нападением на родственников, и новое нападение воспримет очень плохо. Так что не думаю, будто это их рук дело – для них, как и для Лесина, выгод здесь ни малейших, а риск существенный.

– В таком случае, – продолжила Ирина, – у нас остаётся только один вариант, хотя выглядит он довольно невероятно. Это Айдас Буткус.

– Это кто ещё такой? – удивился я.

– Айдас Буткус, простолюдин, происхождением из литвинов. Ещё в юности покинул Литву и перебрался на орденские земли. Причина переезда неизвестна. Были намёки, что переезд был вынужденным, но никаких деталей мы пока не раскопали, все связанные с его семьёй документы оказались тщательно подчищенными. В Ливонии активно вёл дела с орденом и рижским архиепископством. Судя по тому, насколько сложно оказалось добыть даже мизерную информацию, сотрудничество было весьма конфиденциальным. Несколько лет назад там разразился большой скандал, связанный с исчезновением средств из муниципальных фондов. История была крайне мутной, но имя Буткуса несколько

раз там мелькнуло. Затем скандал как-то очень быстро утих и позабылся, а Буткус исчез. Вынырнул он у нас. Как оказалось, деньги у него были, и он недорого приобрёл убыточный завод, который назвал в честь себя «Буткус». Завод вскоре резко пошёл вверх, главным образом потому, что конкурентов стали преследовать разные несчастья. Всё у них как-то неожиданно ломалось и портилось. Буткус стал членом Промышленной палаты, а в прошлом году его выбрали товарищем¹¹ председателя. Говорят, у него есть хорошая поддержка, и вполне вероятно, что через пару лет он сам станет председателем. У нас было слишком мало времени, чтобы собрать полное досье, но уже точно известно, что, во-первых, он гораздо богаче, чем кажется, и большая часть его средств записана на подставных людей, и во-вторых, он активно участвует в политической деятельности, и в целом у него слишком много связей. Гораздо больше, чем это требуется обычному промышленнику. Нам намекнули, что примерно год назад его деятельностью заинтересовалась княжеская канцелярия, но судя по тому, что Буткус активен по-прежнему, серьёзных претензий к нему не возникло.

– Захватывающая история, – с сомнением сказал я, – но как всё это связано с нами?

– Дело в том, что когда завод простаивал во время той заварушки с Лесиными, Вышатици именно Буткусу и передали основной контракт «Милика» на поставку комплекту-

¹¹ «Товарищ» здесь, как и в дореволюционной России, означает «заместитель».

ющих для них. Тот уже считал, что дело решено, но на его несчастье, «Милик» отошёл к нам, и вы гарантировали Вышатичам бесперебойные поставки. Будь на вашем месте даже Эмилия Багерова, это вряд ли бы сработало, но Вышатичи не рискнули ссориться с Арди и переиграли обратно. Буткус пролетел мимо контракта.

– Но почему ты считаешь, что это всё-таки он? – с любопытством спросил я.

– Из-за последней диверсии, – объяснила Ирина. – Если тот же силовой наполнитель используется в разных изделиях, то стальные заготовки заказывались как раз для узлов Вышатичей. Я проанализировала другие происшествия, и оказалось, что все они так или иначе связаны с этим контрактом. Совершенно очевидно, что Буткус является единственным, кто получает выгоду от всех этих диверсий, и я уверена, что именно он пытается сделать так, чтобы мы не смогли выполнить свои обязательства по контракту.

– Выглядит убедительно, – согласился я, – но меня смущает один момент: он простолюдин. Риск для него в такой ситуации был бы совершенно непомерным. Если мы его ловим с поличным, мы можем сделать с ним практически что угодно – убить, забрать его предприятие в качестве виры, даже не знаю, что ещё.

– Меня тоже это смущало, – отозвалась Ирина, – и я тоже долго не могла в это поверить. Но потом вспомнила, что он долго жил в Ливонии, и скорее всего, просто не понимает

разницы между орденским дворянством и нашим. И решил, что ему это сойдёт с рук.

– В целом это объяснение выглядит немного натянутым, но такое и в самом деле возможно, – подумав, признал я. – Всё же простолюдины редко имеют какие-то дела с аристократическими семействами, мы как бы живём в разных мирах. И человек, который привык считать дворянство чем-то номинальным, мог просто не задуматься о последствиях. Не скажу, что я полностью убеждён, но версия насчёт Буткуса настолько хорошо объясняет все события, что приходится принимать её как основную. Тем более что другой у нас и нет. Значит, решено – наш противник Айдас Буткус.

– И что мы с ним сделаем, Кени? – спросила Ленка.

– Если у нас нет доказательств, то мы с ним ничего сделать не можем, – ответил я, и глядя на круглые глаза всех присутствующих, пояснил: – Да, такой вот забавный выверт нашего законодательства. Если бы он был дворянином, то я мог бы на основании всего лишь подозрения потребовать разбора в Суде Чести или даже просто послать дружину. А простолюдин защищён уложением «О защите низших сословий». Беспричинное нападение дворянина на простолюдина у нас карается, а суд не примет к рассмотрению бездоказательное обвинение.

– То есть что – нам придётся ему вот это всё простить? – неверяще спросила Ленка.

– Ну почему же простить, – улыбнулся я. – Варианты есть.

Например, если он подаст на нас в суд, то тогда мы сможем подать встречный иск, и в этом случае его примут к рассмотрению даже без доказательств.

– То есть надо сделать так, чтобы он захотел с нами судиться?

– Да, либо подал на нас жалобу в Дворянский совет. Как только он начнёт нас в чём-то обвинять, мы сможем выдвинуть встречное обвинение. Разумеется, если он не виноват, то это кончится ничем, но я склоняюсь ко мнению Ирины, что это наиболее вероятный кандидат. Поэтому давайте его немного обидим и посмотрим, что он будет делать. Лена, займись этим, а то твои там уже заскучали. Но лучше сделать всё без крови, тогда если он не виноват, то это пройдёт как обычная шалость – просто извинимся и заплатим небольшую виру. За убийства общество нас осудит.

Глава 6

– Ещё раз повторяю – маски не снимать, лиц они увидеть не должны. Предпочтительнее обойтись без трупов, но если появится вероятность, что кто-то поднимет тревогу, стреляйте без колебаний. Вопросы есть?

– Всё ясно, госпожа, – прогудел Третьяк Выгда – ритер¹² дружины, приданный со своим копьём¹³ архивному отделу на время операции, – всё сделаем в лучшем виде.

– Тогда по машинам, – распорядилась Лена, и уже через несколько минут пёстрая колонна машин двинулась по тёмным улицам в направлении совершенно безлюдной в это время заводской окраины.

Колонна затормозила у проходной завода «Буткус» и из кузовов двух тентованных грузовиков, на землю посыпались бойцы копыя. Хлипкая дверь проходной, не рассчитанная на штурм, вылетела уже после второго удара кувалды. Двое охранников, сидевших в проходной и вооружённых лишь дубинками, даже не помышляли о сопротивлении и с раскрытыми ртами смотрели на пробегающих мимо них ратников в полной выкладке. Взятие караулки с дежурной сменой про-

¹² Ритер – командир копыя.

¹³ Копьё – воинское подразделение, обычно из трёх, иногда четырёх, реже двух десятков. Примерно соответствует взводу. Термин пришёл из Европы, прообразом было рыцарское копьё.

изошло ещё легче – дверь была не заперта, и сидевшие там девятеро охранников также сдались без боя. Начальник смены – единственный, у кого был пистолет, – разумно решил, что его шансы против воинского копья слишком малы, и безропотно сдал оружие. К тому времени, когда Лена зашла в караулку, всё было уже кончено – охранники чинно сидели на стульях вдоль стеночки, держа в руках недоеденные бутерброды.

– Третьяк, – обратилась к ритеру Лена, быстро пересчитав охранников, – у них ещё две пары сейчас на обходе. Вот план завода с маршрутом обхода, посылай десяток их принять. Если будут проблемы – пристрелите, главное, чтобы они не ушли. – Охранники при этих словах помрачнели ещё больше.

– Сделаем, – кивнул Выгда. – Фёдор, слышал приказ? Двигай со своими, отработай бегунков.

– Прошу прощения, достойная, – подал голос старший смены, – должен вас предупредить, что вы совершаете преступление и будете за это наказаны.

– Зачем вы мне это говорите, уважаемый? – спросила Лена. – Вы сами военный человек и должны понимать, что мы получили приказ, и его выполним. Больше не отвлекайте меня глупостями, или я распоряжусь вас наказать.

– Тогда один вопрос – что будет с нами?

– Если вы будете вести себя смирно, то ничего. Просто посидите здесь до утра. Но при попытке выйти отсюда бой-

цы будут стрелять без предупреждения. А теперь помолчите, дальнейшие разговоры будут наказываться.

Старший смены при разговоре незаметно скашивал глаза, стараясь разглядеть нашивку с гербом у неё на рукаве. Лена удовлетворённо улыбнулась про себя и повернулась так, чтобы герб был ему хорошо виден.

– Третьяк, – сказала она ритеру, убедившись, что охранники как следует рассмотрели герб, – я к машинам. Когда соберёте здесь остальных, закрывайте их и начинаем.

Как только всех охранников собрали в караулке, бойцы закрыли дверь и наглухо заколотили её досками, предварительно тщательно проверив прочность оконных решёток. В это время приехавшие в других машинах рабочие уже начали бурить ряд глубоких отверстий параллельно воротам. В отверстия вставили длинные железные швеллеры и залили их фиксирующим составом, затем к швеллерам приварили поперечные прутья, получив в результате толстую металлическую решётку. Решётку огородили щитами, сформировав опалубку, и уже через час после начала работы туда полился бетон из грузовиков-бетономешалок.

– Радим, он точно застыть успеет? – спросила Лена руководившего рабочими Раскова.

– Ещё как успеет, – засмеялся тот. – Через час-полтора застынет, а к утру полную прочность наберёт. Это фортификационный бетон с катализатором-отвердителем, для строительства полевых укреплений. У князя инженерные части из

него за день доты ставят.

* * *

О происшедшем Буткусу сообщили с утра, но его задержали неотложные дела в Промышленной палате, и до завода он добрался только к полудню. Возле заводских ворот былолюдно. Собственно, самих ворот толком видно и не было – их загораживала бетонная стена высотой в сажень¹⁴ и толщиной чуть ли не в полсажени, вокруг которой суетились рабочие, перекрикиваясь между собой. Впрочем, никакого заметного эффекта от их суеты не наблюдалось – стена стояла незыблемо, и её зеленоватая поверхность выглядела совершенно нетронутой.

Тут и там стояли кучки зевак с соседних заводов, оживлённо обсуждая происходящее и тыкая пальцами. «Эти-то рады, сволочи», – раздражённо сплюнул Буткус. Он ещё раз мрачно оглядел окрестности и подошёл к стоящему поодаль главному инженеру.

– Антуан, почему эта загородка до сих пор здесь? – требовательным тоном спросил он.

– Фортификационный бетон! – с энтузиазмом ответил главный инженер. – Видите зеленоватый оттенок? Марка Ф-17, или ещё может быть ФБ-26. Вещь! Гражданским та-

¹⁴ Сажень – мера длины, примерно 2,1 метра.

кой бетон не купить, я с ним сталкивался, только когда студентом в княжеской дружине практику проходил, во втором инженерном.

– Не понял о чём вы, – нахмурился Буткус.

– Вон слева видите маленькую выщербинку, почтенный? – показал Антуан. – Отбойным молотком полчаса долбили. Вот всё говорят, что, мол, ломать – не строить. Чушь! – В голосе главного инженера звенела гордость, как будто эту стенку именно он своими руками и построил.

– Тогда отодвиньте её как-нибудь в сторону, трактором оттащите, что ли, – предложил Буткус.

– Какой ещё трактор? – засмеялся главный инженер. – Охрана напротив видела, как эту загородку ставили. Говорят, там чуть ли не рельсы в землю загнали.

– А если её краном поднять и перенести куда-нибудь?

– Краном можно, – подумав, ответил главный инженер. – Если взять козловой или порталный, который побольше, то должен справиться. Только такой кран покупать надо, в аренду их не дают. И для него рельсы негде проложить.

– Антуан, я не хочу слушать эти глупости, – раздражённо сказал Буткус. – Я хочу услышать, когда эта штука будет убрана.

– С этим сложно, почтенный, – задумался тот, – реальный способ – это только взрывать, наверное. Ф-17 – это же вещь, эту стенку и пушкой бронехода разве что поцарапать можно, что тут отбойным молотком сделаешь.

– Так взорвите!

– Кто же нам взрывчатку продаст? – Антуан посмотрел на него как на недоумка.

– Можно, наверное, Доричей попросить, – прикинул Буткус. – Зря мы, что ли, им за протекцию платим?

– Доричам взрывчатка тоже не полагается, у них же герба нет. Им только лёгкое стрелковое можно. На самом деле взрывчатка не проблема – можно просто нанять кого-нибудь с лицензией на взрывные работы. Проблема, скорее всего, будет с получением разрешения на производство взрывных работ в черте города. Надо подавать прошение в княжескую канцелярию, а это дело небыстрое. Могут полгода муржить, а потом отказать. Нет, взрывать не вариант. – Главный инженер снова задумался. – Придётся по старинке, как пирамиды строили – подкапываться, обрезать арматуру, как-то ставить на домкраты. Потом приподнимем на домкратах и вытащим на катки. Месяца два будем ковыряться, а до тех пор придётся штрафы платить.

– Какие ещё штрафы? – вытаращил глаза Буткус.

– Видите вон того рыжего, что с блокнотиком вокруг загородки бегаёт? Это из инспекции градского благоустройства. Требуется немедленно убрать конструкцию, не предусмотренную градостроительным планом, иначе штраф выпишет.

– Так это же не мы её поставили.

– А он говорит, что ему всё равно. Полоса в две сажени возле нашей территории – это наша ответственность.

Буткус побагровел. Несколько минут он молчал, пытаясь совладать с гневом и успокоиться. Наконец он снова обрёл способность говорить.

– Антуан, ваши предложения?

– С загородкой будем работать, – пожал плечами тот. – А пока надо срочно делать другой въезд. На противоположной стороне можно, там нормальный въезд получится. Но придётся тот пустырь покупать, по чужой земле нам никто не позволит дорогу прокладывать. А на этой стороне только между электролизным и вторым механическим есть щель. Узковата, правда, но впритык хватит для проезда. Сейчас готовимся забор ломать и свалку разбирать. Там весь проход завален, я смотрел, там просто ужас. Железо, бетонные блоки, чего только нет. Надо резать и понемногу краном растаскивать.

– Какая ещё свалка? Кто позволил?

– Вы же сами два года назад приказали крупногабаритный мусор в сторонке складывать, чтобы потом всё разом подешевле вывезти. Вот и складываем с тех пор.

– Кхм, – поперхнулся Буткус. – Ну хорошо, когда сделаете?

– Дня за четыре-пять постараемся. Ну, за неделю точно должны управиться.

– А до тех пор как работать будем? – возмутился Буткус.

– Через соседей возить можно, по бокам подходящие проходы есть. Только пару секций забора убрать.

Буткус поморщился. Отношения с соседями были испорчены давно и надёжно.

– Они согласны?

– Те слева даже разговаривать не захотели, матом послали. – объяснил главный инженер. – А на станкостроительном согласились, просят за проезд по гривне с каждой машины.

– Да они там вконец охренели! – не выдержав, воскликнул Буткус.

– Я им то же самое сказал, – грустно согласился Антуан.

– И что?

– И ничего. Смеются.

* * *

Секретарша заглянула к Кире.

– Госпожа, к вам на приём просятся почтенный Айдаас Буткус со своим поверенным.

– Они записаны? – спросила Кира, не отвлекаясь от бумаг.

– Нет, их нет в записи. Они говорят, что у них к нам есть какие-то претензии, и намекают на судебное преследование.

– Ну надо же, – усмехнулась Кира. – Хорошо, я приму их, но не сейчас. Пусть немного дозреют. Подержи их часок в приёмной, а потом запускай.

Через час посетители вполне дозрели – у Буткуса начал временами подёргиваться глаз. Однако Кире не понравилось, что поверенный выглядел совершенно спокойным, и

его вежливая улыбка не производила впечатление натужной. «А вот этот, похоже, доставит проблем», – подумала она, незаметно вздохнув.

– Слушаю вас, достойные, – Кира обвела гостей взглядом. – По какому вопросу вы решили обратиться к нашему семейству?

– Я хотел бы обсудить нападение ваших людей на моё предприятие, – заявил Буткус.

– наших людей? – равнодушно переспросила Кира. – И в чём конкретно состоит ваша просьба?

– Моя просьба? – Буткус начал кипятиться. – Вооружённые люди ворвались на мой завод, связали охрану, испортили ворота. Нам пришлось срочно соорудить новый въезд. Мы понесли огромные убытки – этого, по-вашему, недостаточно для претензии?

– Сказать по правде, я не особо вникаю в подобные истории, – без особого интереса заметила Кира. – У нас служит много молодых парней – чего только не придумает молодёжь от скуки. Возможно, что-нибудь в таком роде и в самом деле могло произойти. Я распоряжусь, чтобы офицерский состав разъяснил подчинённым нежелательность таких развлечений. И если подобное повторится, можете смело обращаться ко мне с жалобой.

Буткус на глазах наливался краской. Поверенный смотрел на Киру с выражением вежливого внимания. «Нет, это точно умный», – с неудовольствием подумала Кира.

– Я требую компенсации убытков и наказания виновных, – решительно объявил Буткус.

– Ну какие ещё компенсации, – улыбнулась Кира. – Вы здесь, конечно же, погорячились, достойный. Вернитесь в реальность. А виновным я обязательно сделаю выговор, не сомневайтесь.

– Я обращусь в суд, – угрожающим тоном произнёс Буткус. – Не думайте, что это сойдёт вам с рук. Вам придётся заплатить за это нападение, закон на моей стороне.

– Как хотите, – небрежно махнула рукой Кира. – У вас есть ещё какое-нибудь дело ко мне?

Буткус молчал, от гнева потеряв дар речи.

– Нет? В таком случае до свидания, достойные. – Кира нажала кнопку. – Проводить.

На улице Буткус, немного придя в себя и вновь обретя способность говорить, распорядился:

– Готовьте судебный иск, немедленно.

– Это, безусловно, ваше дело, почтенный Айдас, – заметил поверенный, – но на вашем месте я бы так не торопился.

– Это ещё почему? – непонимающе посмотрел на поверенного Буткус.

– Вам ничего в этом деле не показалось странным?

– Что вы имеете в виду?

– Вот вам первая странность: налётчики были в масках, но при этом имели нашивки с гербом. По сути, они открыто объявили кто на вас напал, но спрятали лица, чтобы лю-

бые претензии были не к конкретным людям, а к семейству в целом. Вторая странность: можно было ожидать, что Арди либо станут отрицать причастность, либо извинятся. Вместо этого они подтвердили своё участие в самой оскорбительной форме. Для меня это выглядит так, будто они всячески подталкивают вас к подаче иска против семейства.

– Ну и что? – не понял Буткус. – Они виноваты и этого даже не отрицают. Любой суд будет на нашей стороне.

– Не всё так просто, почтенный, не всё так просто, – задумчиво проговорил поверенный. – Не сочтите за обиду, но вы приезжий, и недостаточно понимаете некоторые нюансы нашего общества. В орденских землях дворяне немногим отличаются от простолюдинов, но у нас всё устроено по-другому. У наших дворян прав гораздо больше, а гербовое дворянство практически неподсудно. Я не хочу сказать, что с ними невозможно судиться – это вполне возможно, и возможно даже при этом победить, но надо предельно ясно понимать перспективы дела, прежде чем ввязываться в судебный процесс с аристократами. Я же суть этого дела совершенно не понимаю. А учитывая, что Арди нас фактически тянут в суд, я начинаю подозревать здесь какую-то ловушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.